

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1973

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

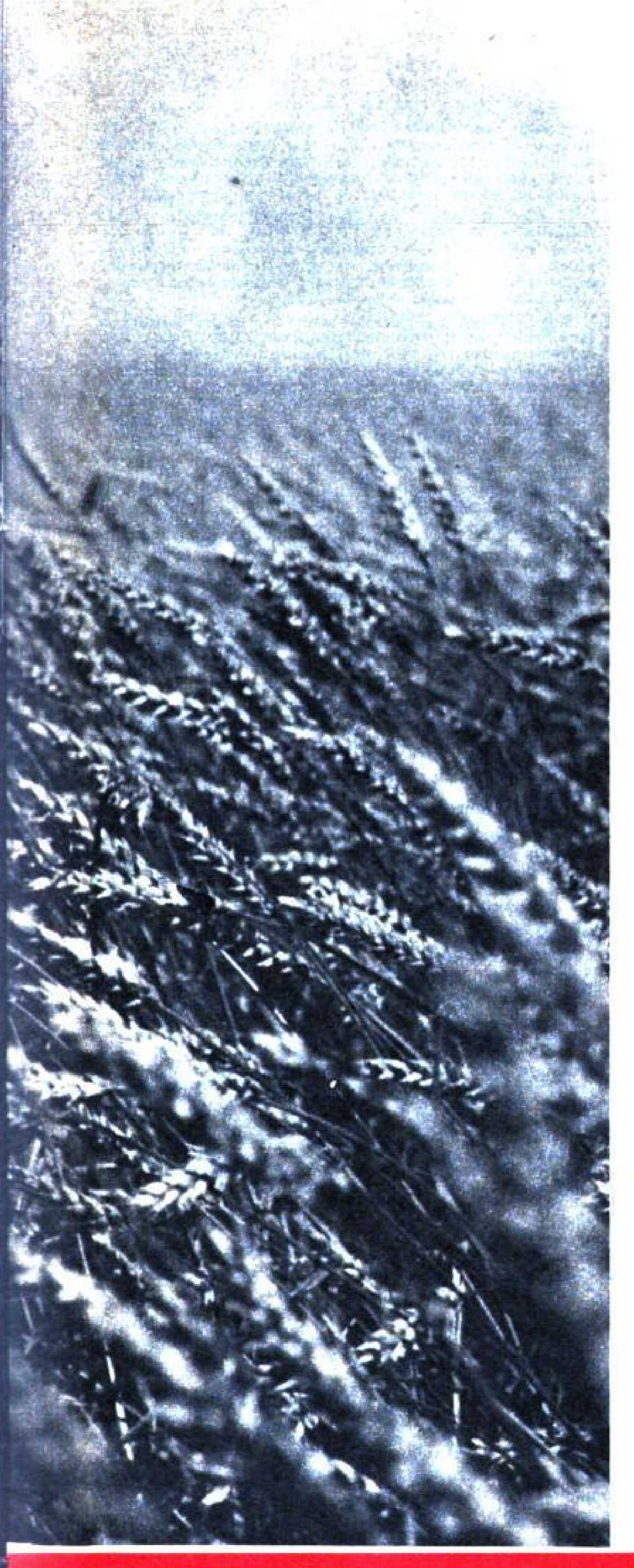
№ 36 (2409)

1 СЕНТЯБРЯ 1973

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ ЗАВОЛЖЬЯ

Семен ШУРТАКОВ

Фото А. Гостева.

Если глядеть только прямо перед собой, и то расхлестнувшееся до самого горизонта хлебное поле впечатляет. Но если ты поглядишь в одну сторону, увидишь безбрежное золотое море, поглядишь в другую — и картина опять повторится, у тебя рождается ощущение беспредельности хлебной нивы. Тебе уже начинает казаться, что и там, за небосклоном, колосятся такие же вот поля и нет им ни конца ни края. Да не так ли оно и есть на самом деле здесь, в степном Заволжье! В колхозе «Правда», на полях которого мы находимся, зерновой клин (какой уж там «клин»!) исчисляется не сотнями, а тысячами и тысячами гектаров. И на всей этой огромной площади выращен отменный урожай.

— Окончательные итоги подводить пока еще рано, хороший крестьянин хлеб в амбарах считает,— говорит председатель колхоза Николай Михайлович Макаров.— Однако же три с половиной тысячи гектаров уже убрано, и с них на круг получено около тридцати трех центнеров. Отдельные участки дали и вовсе небывалый урожай: ячмень — тридцать пять, озимая пшеница — тридцать восемь, а во втором отделении, у Петра Ивановича Гаврилова, «мироновская-808» дала более сорока двух центнеров.

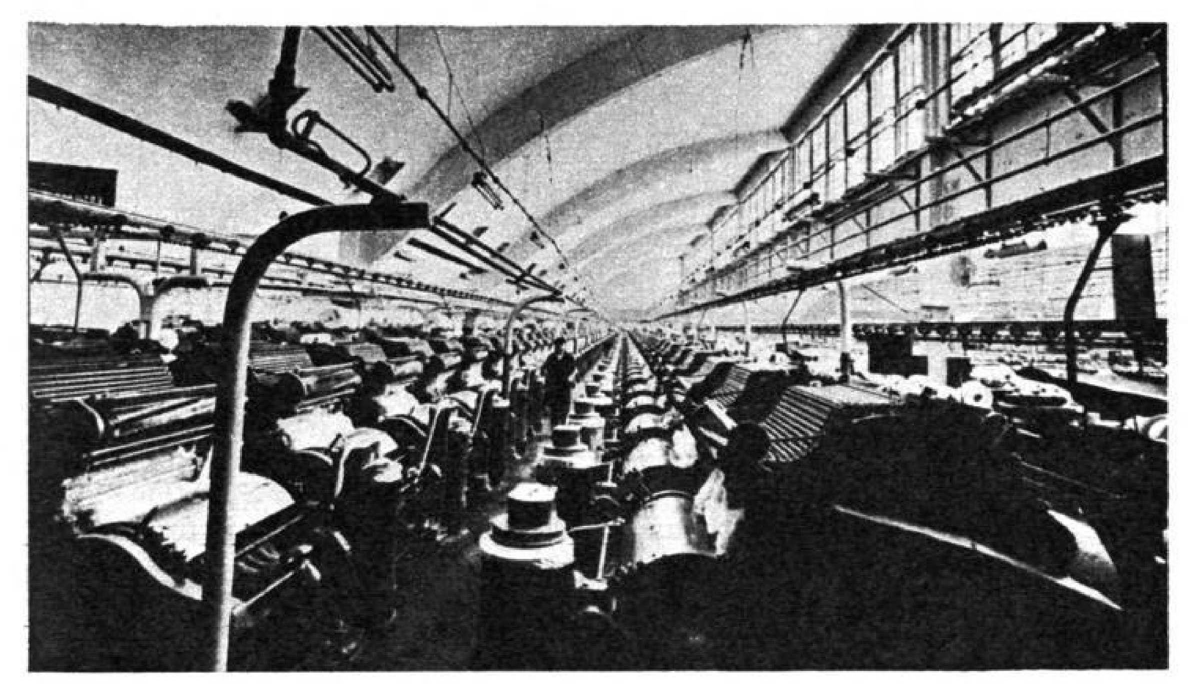
— По району, а район у нас большой, картина более пестрая,— добавляет секретарь райкома партии Герой Социалистического Труда Александр Максимович Морозов.— Но урожай везде хороший, и мы рассчитываем продать зерна государству на добрый миллион пудов больше установленного планом. А всего свыше пяти миллионов.

Пять миллионов пудов! Современного человека не удивишь никакими цифрами: подумаешь, миллион или пять миллионов! Но вот держу я на ладони пшеничный колос, «взвешиваю» его и думаю: а сколько же таких колосьев надо обмолотить и смолоть, чтобы получить хотя бы килограмм хлеба?! А если пуд? А если миллион пудов? И сколько надо было приложить труда, чтобы из зерна вырастить этот колос и еще миллионы и миллиарды колосьев?!

Н. М. Макаров — председатель правления колхоза «Правда».

Подбор валков на полях колхоза «Правда», Ставропольского района.

Гребнечесальный цех фабрики № 2. Фото Р. Нетелева.

КТО ПОБЕДИТ?

Л. КОРОБОВА

В «Огоньке» № 22 за 1973 год был опубликован репортаж «Душанбе — Иваново», в котором рассказывалось о социалистическом соревновании текстильщиков двух городов. Мы писали, что «Огонек» будет следить за ходом соревнования и сообщать читателям о трудовых успехах его участников.

Сегодня корреспондент «Огонька» ведет репортаж с Душанбинского текстильного комбината.

По стендам демонстрационного зала Душанбинского текстильного комбината струятся ткани, яркие, как знойное солнце Таджикистана. Девяносто пять городов одевают своими тканями душанбинские ткачихи!

Здесь, на первой ткацкой фабрике, я познакомилась с депутатом Верховного Совета Таджикской ССР тридцатишестилетней ткачихой Рано Дустмамадовой. Маленькая подвижная женщина с большими черными глазами спешила от станка к станку, и я никак не могла сосчитать, сколько их.

Двадцать лет назад пришла Рано на фабрику, увидела ткачиху, работавшую на 16 станках, и испугалась: научится ли такому когда-нибудь? А сейчас сама командует 36 станками. В этом году Рано вызвала на соревнование ивановскую ткачиху, Героя Социалистического Труда Зою Пухову. Искусство ивановских ткачих общеизвестно, а Душанбинский комбинат вот уже несколько лет не может вырваться из числа отстающих. Правда, и у восьмитысячного коллектива душанбинских текстильщиков есть свои «звезды», но в целом до последнего времени дела на комбинате шли нерадостно.

И вот впервые за шесть лет комбинат выполнил план первого полугодия. И немалую роль тут сыграло социалистическое соревнование душанбинцев с передовым коллективом ивановских текстильщиков — прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова.

Когда Рано со своими коллегами побывала в Иванове, она, присмотревшись, поняла: мы можем работать так же, а может быть, и лучше. Дело тут в квалификации рабочих и технической оснащенности предприятия, в любви к своей профессии, в единстве всех звеньев производства. Прежде всего учли, как в Иванове кадры готовят: теперь и в Душанбе каждого новичка закрепляют за бригадой — 150 наставников передают свой опыт молодым рабочим.

Ивановские текстильщицы работают пока что быстрее: например, Зоя Пухова завязывает узелок за две секунды, а Рано и ее подруги тратят до трех секунд, иногда и больше. Но Рано не сомневается: «Догоню...»

В свое время гости из Душанбе подробно расспрашивали ивановцев о техническом перевооружении, и хозяева рассказали, что пережили трудное время при смене оборудования. Это предстоит и душанбинцам: во втором полугодии здесь будет установлено 120 новых чесальных машин.

Не менее 300 рационализаторских предложений будет внедрено до конца нынешнего года — это одно из обязательств, которые приняли душанбинцы, вступая в социалистическое соревнование с сильнейшими мастерами из Иванова.

— Соревноваться с ними нелегко,— говорит Рано,— и пусть даже они выйдут победителями... Все равно мы у них многому научимся.

Наблюдая за работой ткачихи, невольно думаешь: сколько же километров пробегает она в день по дорожке, где до сантиметра знаком ей каждый поворот?! Не присядет, не перекинется словечком с подругой. Рано говорит о станках: «Мы их гоняем, а они нас...»

Социалистическое соревнование заставило таджикских текстильщиц подтянуться до уровня передовых мастеров Иванова. Прежде мотальщица проходила в смену 16—18 километров, а теперь все операции можно выполнять сидя, с помощью самоходного кресла.

— У нас в стране пятьдесят четыре тысячи мотальщиц,— рассказывает главный инженер комбината Г. Бабаев.— Только на Душанбинском комбинате их двести пятьдесят... И вот сейчас испытывается самоходное кресло для прядильщиц. Уменьшится обрыв нити, улучшится качество ткани. Красота ситца — это не только умные, ловкие пальцы ткачихи, но и высокая технология производства.

Страна наша огромная, и, что ни день, на ее необозримых просторах свершаются громкие дела: тут заработал новый завод, там забила мощная нефтяная скважина, дала первый ток турбина гидростанции, сошел со стапелей океанский корабль... О хлебе во весь голос, с первых полос, печать начинает обычно говорить лишь в июне—августе. И кое у кого из городских жителей иногда создается впечатление, что именно в эти месяцы все, что связано с хлебом, и делается.

А ведь это далеко не так. Чтобы у горожанина хлеб был круглый год на столе, круглый год не покидает земледельца забота о хлебе. Да, круглый год! Потому, что хлеб, который вот сейчас, в августе, убирается, посеян в августе прошлого года. А ведь еще надо было выходить посевы, чтобы они «отозвались» вот таким добрым урожаем. Убрать выращенный хлеб тоже непростое, нелегкое дело. Только-только началась жатва — зарядили дожди. Валки намокли, хлеб, оставшийся на корню,— колосья-то тяжелые, наливные! — повалило, перепутало, а где и прямо вбило в землю.

Наконец установилась солнечная погода, и все так довольны, так рады, все работают, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Про механизаторов и говорить не приходится, они днюют и ночуют в поле. Комбайнер Владимир Михайлович Варламов уже намолотил тридцать тысяч пудов зерна. Ему наступают на пятки Александр Михайлович Варламов, Василий Иванович Саткин, Кузьма Степанович Косолапов.

Поле, на которое мы пришли, убирает Косолапов. Пока идет выгрузка бункера, Кузьма Степанович у бочки с водой утоляет жажду, коротко отвечает на наши вопросы.

— Дело идет! — заключает он разговор и бежит к комбайну. Уже с мостика машет нам рукой и широко улыбается — белые зубы ослепительно сияют на запыленном лице...

Макаров — высокого роста, и шагает он вроде бы неспешно, но мы с Морозовым едва успеваем за ним. Морозова я знаю уже не первый год, а если говорить про Николая Михайловича, то тут уж счет пойдет на десятилетия — с ним мы когда-то, еще в молодости, служили на Тихоокеанском флоте. Председательствует он в колхозе «Правда» с 1948 года, и приходилось бывать у него много раз. Все это я к тому говорю, что у нас было что вспомнить, провести некоторые «параллели» и «меридианы». Ныне машинный парк колхоза — 66 тракторов, 40 комбайнов, 37 автомобилей — примерно столько, сколько было когда-то на всю МТС. А урожай?

— Помнишь, Михалыч, как мы мечтали... Ну, ладно, скажем попроще, ставили задачу добиться на круг 100 пудов? — говорит Александр Максимович.— И не так-то уж давно то было. А сейчас вот они, двести пудов, как одно зернышко...

Из колхоза «Правда» мы с Морозовым едем в соседний — «Дружба».

Когда-то у Макарова работал главным зоотехником шустрый такой, энергичный Геннадий Юдахин. Так вот, этот самый Геннадий, теперь уже Геннадий Тимофеевич, ныне председательствует в «Дружбе». Чему-то, и, надо думать, многому, научился он у агрономически грамотного, опытного Макарова еще в бытность зоотехником. Учился у Николая Михайловича и в свои первые председательские годы, учился уже не вообще, а в «приложении» к своей новой должности. Однако прошел с тех пор уже добрый десяток лет. И называть и по сей день учеником Макарова вряд ли было бы справедливо. Какой он теперь ученик! У него самого есть чему поучиться. Отсталый колхоз под его руководством стал крепким, богатым хозяйством. В колхозе «Дружба» единой семьей работают люди многих национальностей — русские, татары, украинцы, чуваши, мордвины.

Вот и сегодня отличились на уборке пшеницы Рашид Гилячев, Иван Мокров, Ханиф Низямов. Гилячев намолотил с начала жатвы уже около 40 тысяч пудов и держит первенство не только по колхозу, но и по всему району. Когда мы с Морозовым и Юдахиным приехали на поле, которое Гилячев убирал, дело шло уже к концу — оставалось каких-нибудь два-три заезда.

Худощавый, подбористый и оттого моложавый для своих сорока лет, Гилячев легко спустился с мостика комбайна, поздоровался. На наш вопрос об урожайности,

В трудовой книжке Рано Дустмамадовой других записей, кроме Душанбинского комбината, нет: она тут всех знает, и ее здесь все знают. Знают не только как передовую работницу, но и как человека государственного. Помнят, как ходила она по фабрике и подолгу стояла у зачехленных станков — новейшее оборудование лежало «мертвым капиталом». Как быть? Что делать? Комбинату требовалось более тысячи рабочих...

Проблема кадров на комбинате стала главной. И когда новый директор комбината У. Кобилов поехал по кишлакам и колхозам звать людей к станкам, Рано — ткачиха и депутат — отправилась вместе с ним.

Чтобы привлечь молодежь, обратилась... к старикам. Но старики словам не верят, им все нужно видеть своими глазами. Повели их на фабрику, показали недвижимые станки. Потом провели на вторую ткацкую и показали цветастые ткани. Старики прищурили глаза от внезапно хлынувших цветов — розового, синего, красного... Обычно сдержанные, они заулыбались, глаза их потеплели, все трогали шелковистую гладкую материю и удивлялись — не знали они о том, что их Таджикистан, кроме прославленного ленинабадского шелка, дает стране красивый сатин, пышный вельвет и легкий, как дыхание весны, ситец. И все это из хлопка, выращенного их руками, на их земле. И потянулись на комбинат девчата из кишлаков и высокогорных селений, открывая для себя окно в большой мир.

Но, увы, текучесть кадров еще большая. И немалая доля вины ложится на транспорт — до комбината трудно добираться. Надо, чтоб новые жилые дома возводились рядом с комбинатом.

О чем бы мы ни говорили с душанбинскими текстильщиками, разговор завершался жильем. Никто не жаловался на жару, зарплату, зато называли главную причину текучести — отсутствие квартир. За два года комбинату — самому крупному предприятию в Таджикистане, где работает более восьми с половиной тысяч человек, выделено лишь 107 квартир! А общежитий текстильщики не получают уже с 1968 года.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, душанбинцы план первого полугодия перевыполнили. Производительность труда выросла на 5,8 процента, а у Р. Дустмамадовой, У. Хатамова — до 20 процентов. Впервые за последние годы комбинат занесен на городскую доску почета.

Такова сила социалистического соревнования, которое объединило людей двух городов, нацелило их на достижение общей цели — дать продукции больше, лучшего качества, повысить производительность труда. Ивановские текстильщицы, радуясь успехам друзей из Душанбе, от всей души поздравляют их. Они понимают: в какой-то мере это и их победа...

Соревнование продолжается. Кто победит?

о намолоте комбайнер весело ответил:

— А вот какой намолот: далеко ли от края поля я отъехал, а бункер уже полон...— Поглядел на поля окрест, добавил: — Бальшой хлеб идет!

Гилячев простоял с нами ровно столько времени, сколько ушло на разгрузку бункера,— каждая минута дорога! Вот уже он снова на мостике, и степной корабль трогается с места.

«Большой хлеб идет!..»

Целый день мы ездили с секретарем райкома по колхозным и совхозным полям. И везде видели наливные, тучные хлеба, видели самозабвенно работающих людей. И весь день по дорогам— и большаками и проселками— шли и шли машины с наращенными бортами, доверху груженые зерном нового урожая. И на всех дорогах, во всех селах и деревнях безраздельно властвовал сытный, вкусный запах молодого хлеба.

Идет хлеб! Идет большой хлеб Заволжья.

Ставропольский район,
Куйбышевской области.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИИ — НАЗРЕВШАЯ ЗАДАЧА

Владимир КАТИН

Советский Союз, следуя в своей внешней политике Программе мира, провозглашенной XXIV съездом нашей Коммунистической партии, делает все возможное для всемерного развития отношений сотрудничества и дружбы со странами Азии, для разрядки напряженности на этом континенте, для укрепления мира и обеспечения безопасности всех азиатских народов.

«Ставя задачу распространить зону разрядки на весь мир,— подчеркивал в своей речи в Алма-Ате Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев,— мы считаем важным, чтобы в этот процесс широким фронтом включилась Азия.

При этом мы исходим не только из интересов своей страны, две трети территории которой расположено в Азии. Мы учитываем место этого континента в жизни человечества, роль азиатских государств в мировой политике, интересы самой Азии, ее народов».

Наша страна твердо убеждена, что превращение огромного азиатского континента, где проживает более половины всего человечества, в регион прочного мира, стабильности и безопасности — дело реальное. Ведь такая постановка вопроса отвечает интересам абсолютно всех народов Азии, интересам всего человечества.

Выступая на XV съезде советских профсоюзов, Л. И. Брежнев четко изложил советскую точку зрения на пути и методы достижения коллективной безопасности в Азии. «Становится все яснее,— сказал он,— что действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества всех заинтересованных в этом государств».

Каковы же принципы коллективной безопасности? Советский Союз формулирует их четко, ясно и конкретно. Прежде всего это отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенности границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Безопасность в Азии должна также опираться на признание и строгое соблюдение таких принципов, как право каждого народа распоряжаться своей судьбой, недопустимость территориальных захватов путем агрессии, урегулирование всех международных споров мирными средствами, право каждого народа на суверенное владение природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

Советский Союз активно выступает именно за такую коллективную безопасность в Азии и готов сотрудничать со всеми государствами в целях претворения в жизнь этой благородной идеи. Кстати, многие из вышеуказанных принципов были в свое время провозглашены в решениях Бандунгской конференции и отражены в ряде международных документов, касающихся азиатских стран.

При этом хотелось бы особо подчеркнуть следующие обстоятельства: те принципы, которые предлагается положить в основу коллективной безопасности на азиатском континенте, уже давно и успешно применяются на практике во взаимоотношениях СССР со многими странами этого региона. Пример тому — межгосударственные соглашения с Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией, заключенные еще в первые годы становления Советской власти в России, а также договоры о дружбе с Индией, Египтом и Ираком. И вот ныне Советский Союз предлагает распространить эти, по сути, универсальные принципы на все азиатские страны без исключения. Эта идея уже приобретает сторонников — к ней проявляют интерес правительства и широкая общественность многих стран Азии, в частности Индии, Бангладеш, Ирана, Малайзии, Непала и других.

Бесспорно, реализация идеи коллективной безопасности в Азии — проблема сложная. Империалистов и бывших колонизаторов, все еще сохраняющих свое влияние в ряде азиатских стран, отнюдь не устраивает мир на азиатской земле. Кроме того, вкупе с империалистами авантюристически действует и пекинское руководство, претендующее на главенствующую роль на этом континенте. Пекин явно пытается обострить отношения между азиатскими странами, препятствует нормализации международной обстановки в целом.

Однако, несмотря на все сложности, сейчас открываются новые возможности для решения поставленной задачи по обеспечению мира в Азии. Мы имеем в виду то, что за последнее время здесь произошли важные сдвиги к лучшему. Долгая война во Вьетнаме закончилась победой вьетнамского народа. Достигнута договоренность о восстановлении мира в Лаосе. Созданы обнадеживающие предпосылки для того, чтобы в нормальное русло вошли отношения между государствами Индостана. Позитивные моменты возникли также в положении на Корейском полуострове в связи с важной инициативой КНДР, направленной на мирное, демократическое объединение страны.

Эти и другие факты объективно говорят в пользу достижимости создания системы безопасности и сотрудничества в Азии вопреки всем трудностям и препятствиям. Но для этого необходимы совместные действия всех государств континента. Для этого требуются настойчивость, широкий подход, дальновидность руководителей азиатских стран, ответственных за судьбы своих народов. Теперь вопрос в том, чтобы совместными усилиями выковать прочную коллективную безопасность в Азии, отвечающую интересам всего мира.

25 августа на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

В. ВИКТОРОВ,

А. БОЧИНИН

УДАЛАСЬ

Победители эстафеты в беге 4 × 100 метров — Валентина Черникова, Людмила Маслакова, Марина Сидорова и Надежда Бесфамильная.

Бразильский баскетболист Милтон Сетрини получил приз журнала «Огонек» как лучший защитник.

Финальная встреча по баскетболу женских команд СССР и США.

Вот и отошла Универсиада-73 в область истории...

В течение одиннадцати дней она была частицей нашей жизни, жизни всего мира, и эти дни, несмотря на всю их огромную насыщенность, промелькнули как одиннадцать мгновений. Но как обогатили эти мгновения наши представления о возможностях спорта в украшении жизни современной молодежи, как обогатили спортивную историю!..

Одиннадцать дней. Десять видов спорта. Десять серий спортивного боевика промелькнули перед нами на черных экранах электронных табло. На наших глазах создавался этот незабываемый фильм, в котором было 4 тысячи действующих лиц. Когда 15 августа открылась Универсиада, никто еще не знал, как развернутся дальнейшие события, каким будет ее эпилог. И вот теперь, когда промелькнули последние кадры Универсиады, мы можем с полным основанием утверждать, что события сложились счастливо для всех, прошли в стремительном темпе, были насыщены захватывающими сюжетными хитросплетениями и завершились поистине счастливым концом. (Этот конец запечатлен на центральном снимке нашего фоторепортажа — хоровод спортсменов из самых разных стран на зеленой траве Большой спортивной арены.)

Впечатлений столько, что пока еще трудно восстановить весь многосложный ход Универсиады-73, и нет никаких сомнений, что мы еще не раз припомним многие яркие детали и заново их оценим. Но главная оценка, высказанная нашими гостями — и спортсменами, и руководителями мирового спорта, и журналистами,— известна уже сегодня: Универсиада удалась на славу, удалась в главных ее аспектах — общественном и спортивном.

Широкие дружеские контакты отличали Универсиаду-73 с ее первого до последнего дня, а спортивный уровень Всемирных студенческих игр оказался поистине рекордным. Еще ни одна из предыдущих Универсиад не вносила такого количества поправок в рекордные таблицы. Двадцать три универсиадных рекорда установили легкоатлеты и двадцать пять — пловцы.

О том, какими захватывающим зрелищем оказались для самых взыскательных зрителей соревнования легкоатлетов, мы уже писали в предыдущем репортаже, теперь мы можем утверждать, что выступления пловцов отличались не меньшим блеском, и благодарить здесь нам надо в основном спортсменов двух стран — СССР и США.

Команда США по плаванию была укомплектована на самом высоком уровне, и наши пловцы, успешно прогрессирующие за последние годы, смогли в борьбе с очень сильными соперниками показать выдающиеся результаты. Надолго запомним мы эстафету 4 × 200 метров в вольном стиле, победу В. Буре, В. Кривцова, В. Абоимова и А. Самсонова над командой США, да еще с новым универсиадным и всесоюзным рекордами. А разве можно забыть борьбу краснодарской студентки Л. Русановой с мировой рекордсменкой и олимпийской чемпионкой К. Карр на стометровой дистанции брасса! Американская спортсменка проиграла на последних метрах шесть десятых секунды!

Много волнующих минут пережили многочисленные зрители еще двух плавательных бассейнов, где выступали прыгуны в воду и ватерполисты. И тот и другой турниры прошли очень интересно, но особенно тянуло зрителей во второй половине Универсиады в Сокольники, на Ленинградское шоссе, а затем во Дворец спорта в Лужники. Там проходили турниры волейболистов и баскетболистов, и трибуны не могли вместить всех желающих.

Если обобщить развернувшиеся там события, то эти два интереснейших турнира закончились со счетом 3 : 1 в нашу пользу — победы добились наши мужская и женская команды по волейболу и женская команда по баскетболу.

Встреча мужских баскетбольных команд СССР — США, по единогласному мнению всех тех, кто видел финальную встречу по баскетболу на Олимпийских играх в Мюнхене, прошла с еще большим блеском. Проиграв в Мюнхене, американцы прислали в Москву команду, составленную из очень сильных спортсменов. Наши баскетболисты не смогли найти к ним ключа и уступили победу.

Следует отметить, что в составе команды США выступал поистине баскетбольный Пеле. Дэвид Томпсон проявил удивительные способности и выдающиеся физические данные, он провел на площадке почти все сорок минут игрового времени и принес своей команде двадцать четыре очка.

Прекрасно выступили и бразильские баскетболисты, завоевавшие третье призовое место. Один из спортсменов бразильской команды, Милтон Сетрини, был признан лучшим защитником баскетбольного турнира и получил приз журнала «Огонек».

Наиболее успешно на Всемирных студенческих играх выступили советские студенты: они завоевали 68 золотых медалей, 36 серебряных и 30 бронзовых.

Но главный итог Всемирных студенческих игр заключается в том, что дух рыцарства, благородства, дух искренней дружбы пронизывал все спортивные состязания, делая их еще более яркими и запоминающимися. Так сказано в итоговом коммюнике Оргкомитета Универсиады-73. Так оно и есть.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Редакцию журнала «Огонек» посетил почетный гость Универсиады-73, президент Международной федерации спортивной прессы, известный английский журналист Фрэнк Тейлор, который высоко оценил организацию Универсиады, деятельность пресс-центра, обеспечившего все условия для работы восьмисот журналистов.

— Для меня, профессионального спортивного журналиста,— сказал Фрэнк Тейлор,— стадион имени В. И. Ленина представляется одним из лучших в Европе и Америке. Москва имеет прекрасное спортивное лицо, и она гостеприимна для всего мира. Пора, давно пора провести Олимпиаду в Москве.

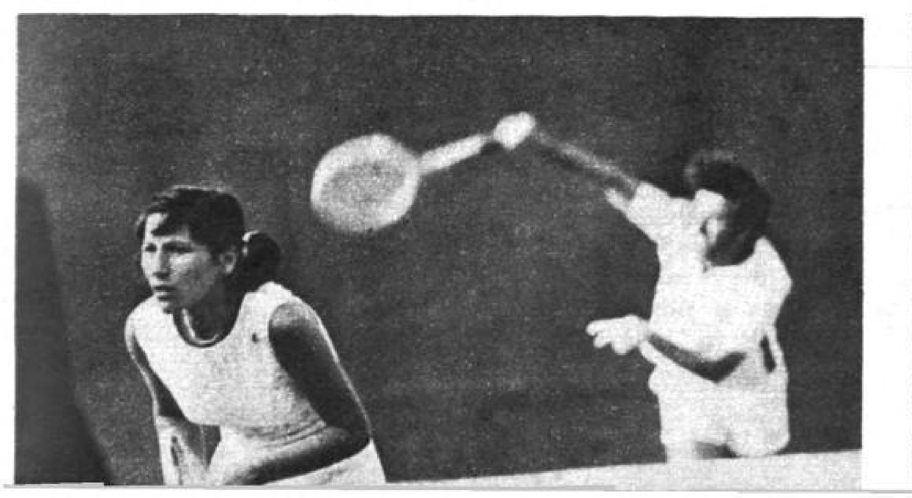

Справа налево: президент Международной федерации спортивной прессы Фрэнк Тейлор, заместитель председателя Федерации спортивных журналистов СССР, главный редактор газеты «Советский спорт» Николай Киселев и ответственный секретарь Федерации спортивных журналистов Альберт Лейкин.

Фото Д. Ухтомского.

НА СЛАВУ!

Ольга Морозова и Теймураз Какулия завоевали первенство в смешанном разряде по теннису.

Момент финальной игры СССР — США. В прыжке лучший нападающий баскетбольного турнира Дэвид Томпсон.

Американский пловец Дин Андерсон поздравляет Владимира Буре с победой на дистанции 100 метров вольным стилем.

КОНФЕРЕНЦИ ПИСАТЕЛ СТРАН АЗИИ И АФР

Алма-Ата. Дворец имени В. И. Ленина. Здесь состоится торжественное открытие конференции.

ДРУЖБА И СОЛИДАРНОСТЬ

Второй раз форум литераторов двух континентов будет проходить в Советском Союзе. На этот раз честь быть гостеприимными хозяевами встречи оказана казахским писателям.

1973 год — юбилейный для афро-азиатского движения: первая встреча состоялась в Ташкенте 15 лет назад. О росте движения, о сплочении рядов творческой интеллигенции Азии и Африки в борьбе против империализма и колониализма, за мир и прогресс говорят такие цифры: если в первой конференции, состоявшейся в Ташкенте в 1958 году, участвовали литераторы из 37 афро-азиатских стран, то нынешняя алма-атинская встреча соберет делегатов из 65 стран.

К празднику культуры двух континентов издательства Москвы, Алма-Аты, Ташкента и других городов подготовили и выпустили новые книги афро-азиатских писателей — их можно увидеть на большой книжной выставке в Алма-Ате среди произведений писателей Азии и Африки, вышедших на языках народов СССР. Августовские и сентябрьские номера центральных журналов печатают много интересных материалов под общей рубрикой «Навстречу Алма-атинской конференции» — прозу, стихи и публицистику литераторов Египта и Непала, Ливана и Индии, Демократической Республики Вьетнам и Ирана... Редакция журнала «Лотос», органа Ассоциации афро-азиатских писателей, выпустила специальное приложение к четвертому номеру, посвященное Казахской ССР и отряду ее литераторов. Творчество писателей Азии и Африки, двух бурно развивающихся континентов,— зеркало борьбы народов этих стран за мир и национальную независимость, против социального неравенства, за освобождение от наследия колониализма и расизма.

Вниманию читателей предлагаются краткие обзоры свежих номеров журналов «Лотос», «Азия и Африка сегодня», «Иностранная литература» и «Новый мир», откликнувшихся на важное событие в истории содружества афро-азиатской культуры — Пятую конференцию писателей стран Азии и Африки.

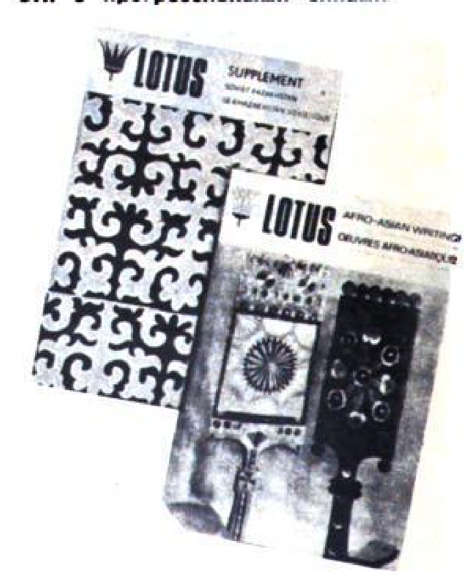
НАВСТРЕЧУ

В статье Юсефа эс-Сибаи во втором номере ежеквартального журнала «Лотос» излагается программа широкой подготовки писателей Азии и Африки к конференции, которая будет проходить в Алма-Ате.

Конференция, отмечает в статье видный египетский писатель и главный редактор журнала «Лотос», обсудит такие вопросы, как взаимосвязь национально - освободительного движения и афро-азиатской литературы, развитие прогрессивных тенденций в национальных культурах Африки и Азии, рождение нового героя в литературе этих континентов, взаимосвязь культуры Африки и Азии с другими мировыми культурами. Естественно, на конференции будет обсуждаться широкий круг тем общеполитического и профессионального значения.

В печать, помимо второго, вышли третий и последний в нынешнем году четвертый номера журнала «Лотос».

Все эти номера насыщены содержательными материалами — исследовательскими статьями, прозой, поэзией, комментариями, которые открывают перед читателем богатый духовный мир афро-азиатской литературы, стремление ее героев к новой жизни, ликвидации империалистического угнетения, к солидарности с прогрессивными силами

Я
ЕЙ
ИКИ

ФОРУМУ

планеты и прежде всего с Советским Союзом и всем великим содружеством социализма.

На страницах «Лотоса» выступают писатели почти всех стран Африки и Азии, многие из которых хорошо известны советским читателям по произведениям, изданным в нашей стране на русском, казахском, узбекском, грузинском, армянском и других языках нашей страны.

С любовью редакция журнала «Лотос» подготовила приложение, посвященное Советскому Казахстану. В богато иллюстрированном выпуске помещены статьи о Казахстане писателей Ануара Алимжанова, Мурата Ауэзова, Алана Медоева, широко представлены казахский фольклор, проза и поэзия, содержится информация об истории искусства, архитектуры республики, о ее современных достижениях в промышленности, сельском хозяйстве, науке, кинематографии и спорте.

В статье третьего номера журнала «Лотос» Юсеф эс-Сибаи пишет:

«В Москве, Каире, Алма-Ате и Ереване, во всех странах Африки и Азии проведена большая и весьма разносторонняя подготовительная деятельность, которая должна обеспечить успех Пятой конференции писателей Африки и Азии, фестиваля книг и симпозиума поэзии».

Н. БОРИСОВ

МОСТ ЧЕРЕЗ КОНТИНЕНТЫ

Ежемесячник «АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ» выходит уже семнадцать лет, являясь органом Института востоковедения и Института Африки Академии наук СССР. Пожалуй, по самой своей сути журнал сравним, говоря образно, с центральной метеостанцией двух огромных континентов, дающей возможность в характерных чертах отражать политический и экономический, культурный и социальный климат многих и многих развивающихся стран и народов, который имеет немалое влияние на общественную погоду всей нашей планеты.

Целый раздел — и, пожалуй, центральный — в № 8 журнала отведен предстоящей встрече делегатов творческой интеллигенции Азии и Африки. Раздел открывается публицистическим выступлением секретаря правления Союза писателей СССР, председателя Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки Камиля Яшена, который выражает уверенность, что нынешняя конференция писателей афро-азиатских стран выльется в праздник дружбы и единения литераторов двух великих континентов.

Значительное место в августовском номере журнала занимают разнообразные по жанру и стилю произведения писателей различных стран, каждый из которых обладает неповторимой художественной индивидуальностью. Рассказом «Толпа» представлен Юсеф аш-Шаруни — современный египетский прозаик, активный участник афро-азиатского литературного движения, его новеллы отличаются актуальностью и тонким психологизмом. Глубокими корнями связана с жизнью и бытом народа тематика произведений индийского писателя Махима Бохара, о чем свидетельствует и рассказ «Человек и рыба», публикуемый в журнале. Острая ирония по отношению к приспособленчеству административной верхушки частных компаний характеризует прозу кенийского литератора Тайты Товета в новелле «Этот проклятый телефонный звонок».

Своеобразен и подбор стихов на страницах журнала «Азия и Африка сегодня». Тесное переплетение лиризма с публицистичностью ощущается в стихах монгольского поэта Д. Урианхая; умение взглянуть на недавнюю историю с точки зрения сегодняшнего дня дает себя знать в стихотворении «Письменами крови» Джошима Уддина из Бангладеш; философское осмысление явлений действительности сближает стихи пакистанского поэта Хамзы Шинвари и непальского — Шерчана Бхупи.

Словом, на малых журнальных площадях «Азии и Африки сегодня» читатель найдет довольно обширное по значимости средоточие разнообразных материалов, имеющих самое непосредственное отношение к открытию нынешнего форума афро-азиатских писателей в Алма-Ате.

Орган Союза писателей СССР «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА» почти весь сентябрьский номер посвятил V конференции литераторов двух континентов. Около двадцати авторов стран Азии и Африки — поэтов и прозаиков, публицистов и критиков — представительствуют на страницах журнала. Стихи и романы, поэмы и рассказы — этим отнюдь не исчерпываются художественные жанры, которые разнообразят материалы 9-го номера «Иностранной литературы».

Известный советский писатель, активный участник единения афро-азиатских литераторов Юрий Рытхэу в своем публицистическом по форме и задушевном по тону выступлении «Мост через континенты» отмечает характерные черты движения писателей Азии и Африки, которое переросло рамки чисто профессиональных форм и методов общения. Главными темами конференций, симпозиумов и иных встреч афро-азиатских литераторов были сохранение мира, избавление от колониального ига, солидарность с освободительной борьбой во всех уголках нашей планеты.

В сентябрьской книжке «Иностранной литературы» афро-азиатскую поэзию достойно представляют монгольский поэт, лауреат Государственной литературной премии, заместитель председателя Союза писателей МНР Лодонгийн Тудэв и профессор литературы Найробийского университета в Кении Окот П'Битек; поэты Сингапура Джералд де Круз, Мохаммад Бин Хаджи Салех и Го Бо-сен; замбийский стихотворец Мукумбута Лисимба; певец Республики Бангладеш Шамсур Рахман и сириец Ахмад Сулейман аль-Ахмад.

Номер отличается богатством и разнообразием прозы авторов афро-азиатских стран. Первые страницы журнала отданы рассказам вьетнамских писателей «Ночью в лодке» (Доан Зиой) и «Песни мео» (Ма Ван Кханг). Со своими новеллами знакомят читателя участник национально-освободительного движения в Индии Пханишварнатх Рену и известная южноафриканская писательница Надин Гордимер, название рассказа которой определяет его главную тему — «Пробуждающаяся Африка».

В том же номере журнала печатается начало романа «Стон горы» крупного японского прозаика, лауреата Нобелевской премии Ясунари Кавабата.

Характерно, что в тематически определенной сентябрьской книжке редакция сочла необходимым опубликовать и рассказ французского автора Эммануэля Роблеса «Кабильский соловей», который посвящен алжирскому писателю Мулуду Ферауну, расстрелянному оасовцами накануне заключения Эвианских соглашений.

Таким образом, девятый номер «Иностранной литературы» дает довольно обширную картину нынешнего дня афро-азиатской литературы в преддверии встречи писателей.

Интересна и подборка литературных материалов в августовском номере «НОВОГО МИРА», посвященная тому же событию. В этой подборке представлено более двадцати авторов афро-азиатских стран.

Среди прозаических произведений — остросатирический рассказ «Ураган» современного иранского писателя Хосроу Шахани и новелла «Образ жизни» южноафриканского автора Дэна Джэкобсона, разоблачающего ужасающие условия существования «цветных» людей в его родной стране...

Разнообразен стихотворный цикл, опубликованный на страницах «Нового мира». Идейную направленность его определяет яркое публицистическое стихотворение поэта Бернара Буа Дадье из страны Берег Слоновой Кости, многозначаще названное «Белый брат».

Мой белый брат, давай
перешагнем
Воздвигнутые между нами
горы,
Отбросим предрассудки и
раздоры
И песню нашей дружбы
запоем...

Мой белый брат, не нужно
лишних слов:
Ты — Человек в большой
земной квартире.
И я здесь — Человек. И в
этом грозном мире
Я в дружбе рядом жить с
тобой готов.

Думается, что это страстное обращение призвано выражать смысл сегодняшних отношений между различными расами на нашей планете.

Этому призыву вторит и один из крупнейших современных поэтов Марокко Мухамед Азиз Лахбаби в «Клятве писателей»:

Мы клянемся,
Что наши слова станут
ветром,
Рождающим набатный звон
против несправедливости,
уродства и фальши...

Знаменательна и публикация в восьмом номере «Нового мира» русского перевода очерков известнейшего казахского писателя Мухтара Ауэзова «Моя Индия», написанных на казахском языке семнадцать лет назад, когда он одним из первых советских литераторов посетил эту страну. И тут вновь нельзя не оценить слова Джавахарлала Неру, переданные устами нашего писателя:

«Люди, которым дано быть посредниками между народами, должны чувствовать свою ответственность, великий долг... Большая дружба достойна ответной большой дружбы. Вы помогаете одному народу познать другой. Пусть же широкая дорога взаимных контактов будет желанной и перспективной дорогой».

Это высказывание и ныне не потеряло своей актуальности, оно может служить и сегодня девизом для участников конференции писателей стран Азии и Африки.

Олег ЗВЕРЕВ

ПОСТУПЬЮ МИРА

2 СЕНТЯБРЯ — ПАМЯТНАЯ ДАТА В ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА. В ЭТОТ ДЕНЬ В 1945 ГОДУ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ.

Александр СЕРБИН

Фото автора.

РЯДОМ С СЕМНАДЦАТОЙ ПАРАЛЛЕЛЬЮ

Бенхай — вот он. Все так же торопливо катит в низких берегах желтые свои воды на восток, к морю. В том месте, где к воде подходит знаменитая во Вьетнаме дорога № 1, стальные конструкции моста, обрубленные с обеих сторон бомбами. На берегу сидит мальчишка и ловит удочкой рыбу. Паренек как паренек, ничего особенного: черная челочка волос над озорными глазами, курносый, белая рубашка аккуратно заштопана на локтях.

Мост — памятник войны. Еще недавно грохотала она здесь. По реке Бенхай проходит семнадцатая параллель, разделяющая Северный и Южный Вьетнам. Расположенная вдоль параллели особая зона Виньлинь была передним краем борьбы за спасение родины. Памятники военной поры здесь на каждом шагу. А вот эта обычная на первый взгляд картинка — мальчишка с удочкой на берегу Бенхая — примета нового, символ мира.

...Чтобы отыскать место, где находится сейчас партийный комитет городка Хоса (самого городка не существует, он разрушен, его предстоит восстанавливать), нужно свернуть с дороги № 1, пересечь еще одну дорогу и потом подняться косогором по тропинке. Раньше здесь стоял лес, но после бомбежек остался лишь кустарник. Тропинка пройдет мимо трех бомбовых воронок, у четвертой повернет налево и выведет в узкую траншею.

Виньлинь занимает 30 квадратных километров. На этой площадке во время войны было вырыто две тысячи километров траншей, укрытий, убежищ. И сейчас в деревнях этой зоны можно пройти из конца в конец, не поднимаясь на поверхность. Но сегодня, в дни мира, начинают зарастать травой эти военные ходы сообщений.

Товарищ Чан Тхи Хыу, секретарь организации Партии трудящихся Вьетнама в Хоса, встретила меня у входа в крестьянский дом под соломенной крышей. Все военные годы товарищ Хыу провела здесь. Накануне войны она работала воспитательницей детского сада. В 1965 году, во время первого налета вражеской авиации на город, Чан Тхи Хыу, как всегда, занималась со своими воспитанниками. Но в тот день ей пришлось не только учить детей, но и спасать им жизнь. Три бомбы упали рядом с домом, где находилась она с детьми. Дом загорелся. Чан Тхи Хыу выводила напуганных малышей из огня и оттаскивала их в безопасное место. 28 детей спасла в тот день Хыу и не оставляла их до тех пор, пока спустя три часа не кончился налет и родители не пришли за ними. А у самой Чан Тхи Хыу в этот день был разрушен дом и лишь чудом остался жив сынишка...

Дети потом были эвакуированы из Виньлиня. Отправила своих детей в эвакуацию и Хыу, а сама продолжала работать. Как член административного комитета городка, руководила переездом жителей на новые места здесь же, в Виньлине, налаживала жизнь, вместе с другими участвовала в обороне родной земли от врага.

Сейчас у Чан Тхи Хыу новые заботы. Предстоит восстанавливать Хоса. В основном этот городок был населен ремесленниками. Теперь нужно думать, как дальше развивать ремесло, учить людей, готовиться к переезду на старые места, строить школы, дома.

— В нашей партийной организации девяносто человек. Каждый был бойцом в военное время. Сегодня мы сообща решаем, как быстрее стабилизировать жизнь, быстрее восстановить все, что разрушила война,— рассказывала Чан Тхи Хыу.— Мы живем рядом с Южным Вьетнамом и должны показать, что наш, социалистический, строй способен дать людям счастье и радость.

...В дверь домика просунулась голова с черной челочкой и озорными глазами.

— Мой,— сказала товарищ Хыу.— Вернулся недавно из эвакуации. Через несколько дней жду второго сына, старшего, который пережил здесь первую бомбежку.

Я вглядываюсь в озорные глаза и думал, не этого ли паренька я видел с удочкой на берегу Бенхая?

«СВЕТЛОЕ БОГАТСТВО»

Куангфу — «Светлое богатство» — название рыболовецкого кооператива. Расположен он на берегу Южно-Китайского моря в провинции Куангбинь. Этот кооператив в общине Локнинь создали еще в 1958 году. После его образования заметно изменилась жизнь. Рыболовецкие бригады получили новые суда. Из Советского Союза пришло оборудование, позволяющее ловить рыбу с помощью электрического света. Возросли уловы, богаче стала жизнь. Для детей рыбаков в Локнине были построены школы.

—...А потом пришла война,— говорит председатель кооператива Нгуен Шон Зиеу.— Тяжелое это было время. Не раз была наша община под бомбами. Враг превратил в развалины наши школы, разрушил много домов, разбил производственные помещения. В военное время в море приходилось выходить только по ночам. В прошлом году агрессор начал минировать прибрежные воды — около нас было сброшено 120 мин. Но мы тоже боролись: ополченцы нашего кооператива сбили три самолета противника.

Не ушла жизнь из «Светлого богатства» — люди выстояли. Сейчас вновь бороздят уже чистое море шаланды рыбаков Локниня. Увеличилось число рыболовецких бригад: недавно две подружки, Фам Тхи Нянь и Чьонг Тхи Вьен, создали женскую бригаду, которая не уступает мужчинам.

— Дел у нас много,— продолжает товарищ Зиеу, с которым мы идем по деревенским улицам.— Вот плакат с нашими обязательствами — мы хотим добыть в этом году 900 тонн рыбы. В прошлом году, когда шла война, удалось выловить всего пятьдесят тонн. Много надо строить. Первое, за что мы взялись, была школа,— детишки возвратились в родные места, и им нужно учиться. В планах — строительство жилых домов и различных производственных зданий. Нужны нам грамотные люди, и я думаю, что они будут.

Откуда? Приходят в Локнинь письма из Советского Союза, со штампом города Краснодара. Там в сельскохозяйственном институте учится Нгуен Хунг — один из четырнадцати парней, уехавших из общины на учебу. Еще один — студент в Чехословакии, остальные постигают науку во вьетнамских вузах.

У отца Нгуен Хунга, старого рыбака и партийного работника Нгуен Хыонга, я спросил, что пишет сын.

— Доволен,— ответил он.— Рассказывает, что видел Москву. Учит русский язык и, хотя это трудно, обещает, что сдаст все экзамены хорошо. Многие здесь ему позавидовали: ведь он в Москве и побывал в Мавзолее Ленина!

...И ВСТАНЕТ ПАМЯТНИК!

Есть в пригородном уезде Ханоя Донгане община Уино. В декабре прошлого года она часто упоминалась в военных сводках. В те напряженные дни на эту общину без конца совершали налеты тяжелые стратегические бомбардировщики. Вот какой застал общину наступивший мир: разрушено 658 домов из тысячи, семьдесят пять процентов полей — в воронках, разбиты десятки складов и ферм, уничтожено 11 километров линий электропередач.

Недавно я был в Уино, беседовал с теми, кто руководил восстановлением, ходил по улицам и полям.

У здания клуба, где я встретился с Дао Ань Йеном, членом уездного комитета партии, Хоанг Динь Хиеу, заместителем председателя административного комитета общины, и другими, стояла колонна бульдозеров.

— Это прислали нам в помощь,— сказал товарищ Хиеу.— Заделывать воронки. Сейчас их осталось уже мало. Сразу же, как только кончились бомбардировки, мы принимались лечить поля. Нам пришлось пересаживать рассаду на 400 гектарах. Но зато и урожай мы получили неплохой.

За несколько месяцев, прошедших с наступления мира, жители Уино сумели почти полностью ликвидировать последствия бомбардировок. По решению партийной организации общины в первую очередь принялись восстанавливать жилье. За две недели здесь построили шестьсот временных домов, и, когда в феврале наступил веселый праздник Тет — новый год по лунному календарю, у всех была крыша над головой. Через месяц восстановили дамбы и оросительные каналы. Сейчас вовсю идет ремонт линий электропередач. Скоро свет будет в каждом доме.

— У общины,— рассказывал товарищ Йен,— есть уже трехлетний план развития. Он предусматривает развитие гидротехнических сооружений для орошения полей и защиты их от наводнений, быстрое развитие свиноводства, постройку новых школьных зданий, сооружение медицинского центра общины. Деревни, входящие в Уино, будут реконструированы.

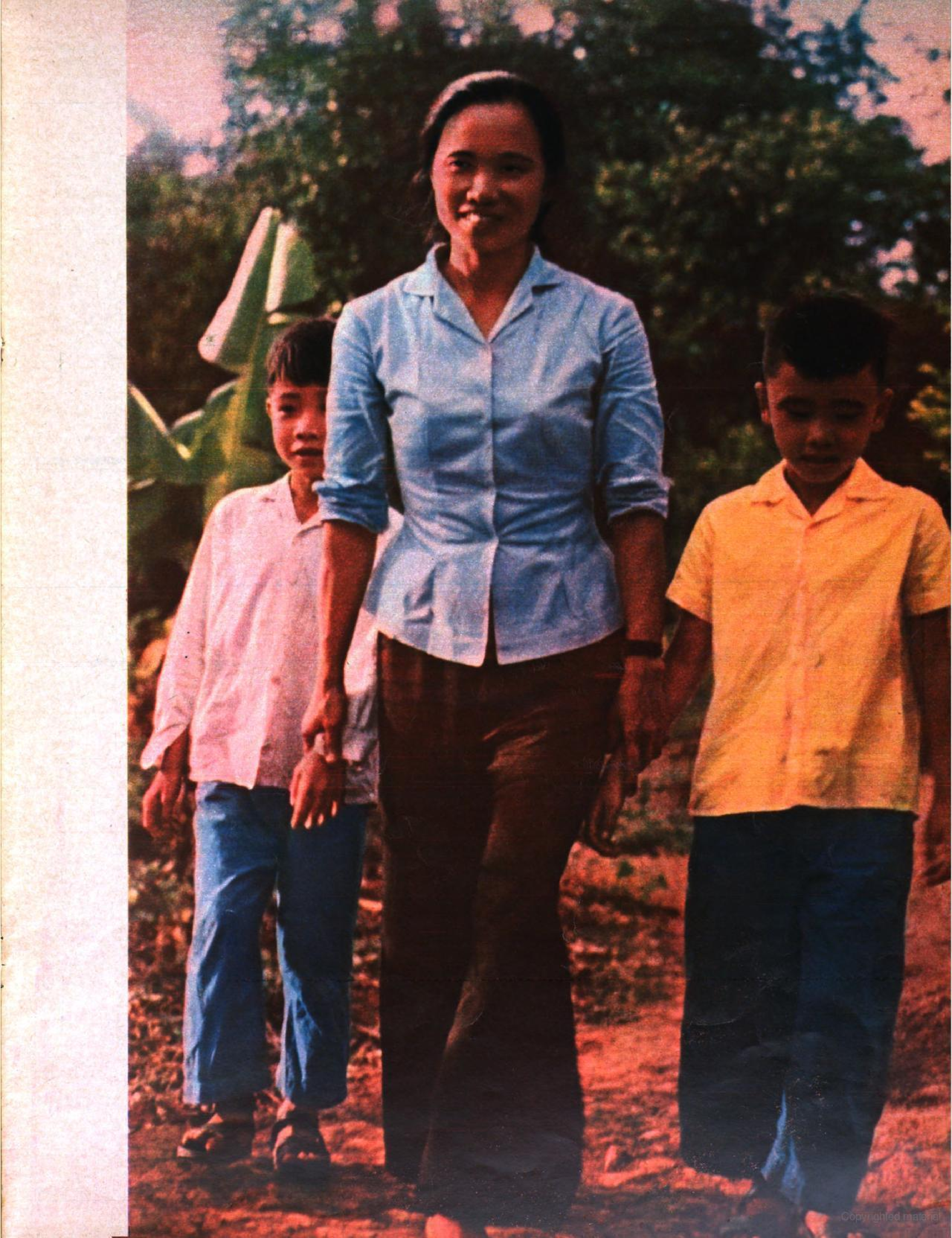
— Много внимания мы уделим механизации сельскохозяйственных работ,— подхватил Нгуен Ван Ван, секретарь партийной организации кооператива.— Мы хотим полностью перейти на механическую обработку почвы под рисовые посевы. Это сэкономит нам рабочую силу и повысит урожаи.

— Словом, загляните через три года и не узнаете наш Уино! — заключил Хиеу.

По решению городского совета Ханоя в Уино, как в одном из мест самых ожесточенных вражеских бомбардировок, должен быть воздвигнут памятник. Он встанет здесь как символ мужества и созидания.

...Мирные рассветы встают над Демократической Республикой Вьетнам. В гуле строительных работ встречает она свой завтрашний день.

Чан Тхи Хыу — партийный секретарь общины Хоса — недавно встретила своего маленького сына, вернувшегося из эвакуации.

МОЛНИЯ В ГОРАХ

Ю. НОВИКОВ

Новый роман Алима Кешокова изображает Кабардино-Балкарию в годы немецкого нашествия — партизанскую войну на территории республики, формирование Национальной дивизии и ее сражения с фашистами, подвиг кабардино-балкарского народа, отдавшего все лучшее фронту, пославшего на войну своих сыновей и дочерей...

Сама многоязычная наша литература о войне давно ответила на вопрос об участии народов Кавказа в священной битве — и в прозе и в поэзии литераторов всех советских республик мы видим яркие образы горцев, сражающихся плечом к плечу с русскими, украинцами, латышами, казахами, башкирами... Но есть книги, рассказывающие именно о Северном Кавказе в годы войны, когда народ этого края поднялся на защиту завоеваний социализма. К таким произведениям относится и «Сломанная подкова» *. Символом счастливой жизни в Кабарде считалась прибитая над входной дверью подкова... С приходом немцев в эти места все перевернулось, враг посягнул не только на счастливое будущее, но на саму жизнь людей.

...Приближение немцев колхозники-машуковцы встречают в подготовке к борьбе. Идет спасение общественного скота, крестьяне и городские жители участвуют в формировании и экипировании Национальной дивизии, комсомольцы изучают тактику ведения партизанской войны. Готовится к жестоким дням борьбы и семья Казаноковых — старая Хабиба, ее дети: комсомолка Апчара, служащий Красной Армии Альбиян, его русская жена Ирина. Всем им предстоит пройти большой и сложный путь...

А. Кешоков предпочитает масштабность во всем — в протяженности действия, в эволюции героев (он отказывается, как правило, от навязывания читателю характеристик, от подсказок, «убыстряющих» духовное созревание), в чередовании мест происходящих событий, наконец, в самих приемах изображения облика того или иного героя. Даже в выборе действующих лиц ощущается стремление к эпической широте, масштабности: люди простого труда, взятые из самой гущи народной,— доярки, телятницы, седельщики, чабаны, и рядом — представители народной интеллигенции, агрономы, работники партийного и комсомольского аппарата, военачальники и т. д.

Центральные персонажи, это естественно, переживают наибольшие потрясения в своей судьбе, совершают наибольшие движения, психические и физические. Юной Апчаре, например, война принесла головокружительные перемены в ее судьбе — в течение каких-то месяцев она из простой комсомолки стала заведующей фермой, партизанкой, а затем — настоящей фронтовичкой. Остальные главные герои также терпят коренные потрясения — и Альбиян, и героически погибающий в финале седельщик Бекан Диданов, и женщины-крестьянки Хабиба, Данизат, сын Данизат Чока и другие.

Автор показывает всенародный характер войны с захватчиками, единство фронта и тыла. Особенно ярко эта тема воплощена в образе матери Апчары — старой Хабибы, да и другие персонажи, тот же Бекан Диданов, телятница Азиза, главный агроном республики Сосмаков — все они, представители мирных профессий, участвующие в борьбе, усиливают звучание этой темы. Это подлинные образцы национального характера — честные, несгибаемые, преданные делу социализма люди, любящие труд, отзывчивые к человеческому горю, коллективисты и интернационалисты. Не перечислить все другие привлекательные качества и черточки национального характера кабардинца, раскрывшиеся в трудный для Родины час.

В гигантском водовороте войны, коснувшемся отрогов Кавказских гор, всплыли на поверхность и люди, шаткие в убеждениях, расчетливые ловкачи-хищники, расхитители народного и общественного добра; были и прямые предатели. Искусство — «ревизор и контролер» жизни, и истина жизни не могла увести писателя в сторону от правдивого отображения времени, эпохи. Так появились на страницах книги староста, в прошлом никудышный крестьянин Мисост; беспринципный карьерист, юрист по образованию Якуб Бештоев, возомнивший себя правителем Кабарды; лакействующий люмпен Сентраль и другие. Изображая тех, кто прислуживал врагу или открыто сотрудничал с ним, писатель обращается не просто к правде фактов (это было бы половиной дела), а к правде характеров, к той «психологии фактов», о которой говорил Горький. И здесь, на мой взгляд, автора поджидала удача не меньшая, чем в изображении истинных героев борьбы. Особенно удался Бештоев — этот изворотливый, стремящийся к власти человек, ради осуществления своих честолюбивых замыслов готовый сотрудничать с врагом. Не сразу читатель «раскусит» Якуба Бештоева, как не сразу и далеко не все из его довоенного окружения поняли, кто перед ними. Временами Бештоев даже похож на одумавшегося, на увидевшего собственные ошибки, и только детали выдают его движение к цели. Позорный, но заслуженный конец бештоевых, этого исключения из правила, лишь подтвердил истину о непобедимости советского народа.

Богатый мир красок слова сверкает и переливается в прозе Алима Кешокова, радуя точными и яркими определениями, меткими сравнениями, искрами народного юмора. Опытный мастер, осуществлявший перевод, прозаик и поэт Владимир Солоухин, несомненно, помог автору донести, не растеряв, до русского читателя все богатство оригинала — образность манеры повествования, выразительный язык персонажей, тонкие художественные нюансы. Вот два небольших фрагмента из романа.

«...На спинах, на гимнастерках темные пятна пота. Но воины словно и не чувствуют летней жары. Идут бодро, да еще и поют.

Не забудь про маскировку,
Окопаться не забудь.
Проявляй в бою сноровку,
Ко всему готовым будь.

Хабиба не понимала слов. Дружная солдатская песня достигла глубины души, и Хабиба прослезилась. Ей слышалось, будто бойцы поют о своих матерях, о своих родных селах, домах, о всей земле. Слышалось в песне старой Хабибе прощание с сестрами, невестами, с аулом, а может, и с молодой жизнью».

Россыпи используемых автором образных и сочных выражений, которыми богат народный язык, уже на первых страницах романа создают особое настроение у читающего, помогают вглядеться в типы характеров. Так, в сцене с дочерью в начале книги старая Хабиба пытается убедить Апчару в том, что Чока, работник райкома комсомола, ей не пара.

«— Всадник на велосипеде! Велосипедный джигит! Хорош жених! Он и за тобой приедет не на фаэтоне, а на своей двухколесной штуке, похожей на скелет осла. Знаю я Чоку, вижу насквозь. Сидит наверху в комсомоле и выглядывает хорошеньких комсомолок во всех аулах. А вместо патронов — карандаши...»

Здесь сразу видны и темперамент героини, и отношение ее к нежелательному зятю, и преданность традициям, и любовь к дочери, и, наконец, богатое природное чувство юмора. Уже этого достаточно, чтобы увидеть Хабибу, а ведь этот характер читатель наблюдает затем на протяжении всего романа — какая наступает кристаллизация образа, какое возникает добротное письмо!

Творческое содружество двух мастеров дало прекрасные плоды: появился новый роман талантливого писателя, сумевшего поэтично и увлекательно рассказать о трудных и счастливых годах родной Кабардино-Балкарии.

* Авторизованный перевод с кабардинского Вл. Солоухина. Журнал «Москва», 1973, №№ 1—3.

Мирный труд на мирных полях.

Вечером на реке.

Горячая пора в кооперативе «Дайфонг».

ПУБЛИЦИСТ-ЛЕНИНЕЦ

27 августа исполнилось сто лет со дня рождения Юрия Михайловича Стеклова, ветерана нашей партии, первого редактора «Известий».

В начале тридцатых годов мне, тогда еще молодому коммунисту, посчастливилось познакомиться с ним — одним из выдающихся деятелей нашей революции. Мы с увлечением читали труды этого крупного историка-марксиста. Его книги «Интернационал», «Борцы за социализм», биографии Карла Маркса, Н. Г. Чернышевского и М. А. Бакунина служили для нашего поколения источником марксистского воспитания.

Сорок лет тому назад, получив задание от редакции журнала «Большевик» написать статью, я решил посоветоваться с Ю. М. Стекловым и в один из дней весны 1933 года пришел в маленькую квартиру в старом Вознесенском монастыре Кремля к этому старейшему партийному журналисту, прошедшему путь от «Искры» и «Зари» до ленинской «Правды». Он дал мне очень ценные советы по статье, а затем говорил со мной о законах журналистского стиля, охотно делился своим огромным опытом.

В беседах с журналистами Ю. М. Стеклов часто вспоминал о В. И. Ленине, с которым он был знаком почти четверть века. Рассказ Стеклова о его первой встрече с В. И. Лениным в 1900 году в Женеве помещен в только что вышедшей к столетию публициста книге «Избранное» (изд-во «Известия», М., 1973).

Раздел «Воспоминания» содержит увлекательный рассказ Стеклова о его смелом побеге из Якутска в 1899 году, где он должен был отбывать 10 лет ссылки. Интересны воспоминания о II Всероссийском съезде Советов, о председателе ВЦИК Я. М. Свердлове.

Публицистические работы Стеклова представлены его лучшими статьями, печатавшимися в «Правде» и «Известиях», в том числе статьей о ленинском плане ГОЭЛРО.

Вопросам организации печати посвящен последний раздел книги «Избранное». В этом же разделе помещены очерки Стеклова о буржуазной прессе. Обилие фактического материала и глубина марксистско-ленинского анализа делают материал этого раздела, написанный одним из правофланговых советской журналистики, актуальным, не теряющим своего значения и в наши дни. На I съезде советских журналистов Ю. М. Стеклов заслуженно был избран первым председателем нашего творческого Союза.

Жизнь Ю. М. Стеклова служит примером беззаветной борьбы за коммунизм, строительство которого успешно осуществляет советский народ под предводительством ленинской партии.

Константин КУДРОВ

СЛЫШАТЬ ГАРМОНИЮ ЖИЗНИ

У советских биофизиков давняя дружба с заведующим лабораторией Института ядерной физики Болгарской Академии наук доктором биологических наук Георгием Дечевым. В начале 60-х годов он несколько лет работал в Институте биофизики Академии наук СССР, где и защитил диссертацию на степень доктора наук. Один из авторов нового оригинального направления — биофизической регуляции биологических процессов, в частности обмена энергии, он продолжает вести свои исследования в тесном контакте с советскими учеными. А вообще в нынешнем пятилетии учеными, инженерами и конструкторами стран социалистического содружества намечено провести координированные исследования и разработки по 1 900 важнейшим проблемам и темам науки и техники.

В этом номере Георгий ДЕЧЕВ рассказывает о работах лаборатории корреспонденту «Огонька» Матвею ХРОМЧЕНКО

Микроскопически мала и одновременно космически необъятна живая клетка. Невооруженному глазу недоступны ее просторы, где действуют миллиарды разнообразнейших молекул. Словно объединенные в феерически грандиозный оркестр, они исполняют бесконечную симфонию. По законам ее сложнейшего контрапункта тысячи голосов — разнонаправленных реакций обмена веществ — сливаются в единую гармонию жизни.

Веками разгадывает человек уникальную нотопись природы. Особенно он преуспел в этом за последние десятилетия. Электронный микроскоп и химический анализ позволили увидеть ажурную архитектонику клетки и вычленить отдельные этапы молекулярных превращений. Но каждое новое знание давалось ценой дорогих компромиссов: чтобы услышать фрагменты мелодии, приходилось раз за разом останавливать оркестр.

Г. Дечев. Чтобы конкретно и глубоко изучать сложные вещества, комплексные явления, биохимики вынуждены были разделять их на элементарные процессы. Так удалось узнать очень много. Теперь же пришла пора эти знания объединить. Потому что в клетке действуют закономерности саморегуляции —все реакции обмена протекают скоординированно во времени и пространстве. А так как ученые стремятся узнать закономерности жизни, то необходимо увидеть, как действует живая, неповрежденная клетка. Услышать, если воспользоваться вашим сравнением, не фрагменты мелодии — всю симфонию целиком.

Существует ли сегодня такой инструмент познания? Да, и владеет им биофизика, физические методы изучения живого. Они эффективны потому, что позволяют снимать биоэлектрические потенциалы целостной клетки с помощью миниатюрных электронных детекторов-датчиков, не повреждающих клетку.

Вначале группа Дечева работала с растениями. Несколько таких датчиков «сажали» на листья, стебли, корни, опущенные в воду. Растение выдерживали в темноте, где из всех обменных процессов не гасли только дыхательные. И когда они выравнивались, исследователи включали яркую лампу. Вся сетка обмена мгновенно приходила в движение, интенсивность реакций возрастала до тех пор, пока не останавливалась на каком-то определенном уровне. Впрочем, слово «останавливалась», будь то на одном или на другом уровне, не точно. Остановки не было и быть не могло: «покой снится» не только человеку. Этот емкий поэтический образ достоин распространения на все живые существа, на жизнь в любом ее проявлении. И в любой клетке, пока она жива, обмен веществ не прерывается ни на доли секунды, всякий момент соответствуя условиям существования.

Г. Дечев. Наши опыты мы повторяли сотни раз и всякий раз видели одно и то же. При

прочих равных условиях — температуре воды и воздуха, концентрации солей в растворе, скорости ветра — каждой интенсивности освещения соответствовал свой уровень обмена. Впоследствии я провел такого рода опыты на клетках мозга крыс и на них получил те же закономерности. Оказалось, что они свойственны всем живым организмам, у которых сохранены обратные связи между химическими превращениями, а вместе с этим и саморегуляция.

Ученых интересовали не только устоявшиеся молекулярные реакции, но движение всей сетки обмена. Говоря языком науки, они хотели изучать не стационарные состояния — переходные. И еще: что определяет эти переходы с одного состояния-уровня на другой? Вспышками лампы исследователи запускали сетку фотосинтеза, а в ответ на это амплитуда колебаний биопотенциалов и кривая их затухания отражали уровень работоспособности, функциональное состояние системы в целом. Такой метод для Дечева не был новым.

Первые годы после окончания биофака Софийского университета он занимался спортивной физиологией. Тогда он искал четкие критерии для характеристики мобильности кровеносной системы: как она справляется с предъявляемыми к ней требованиями? Например, об этом судили, подсчитывая пульс до и после бега на сто метров. Молодой специалист предложил более чувствительную пробу. Он просил спортсмена также до и после бега выполнить стандартную нагрузку — двадцать приседаний,— а затем следил, как реагирует на нее сердце, как быстро возвращается к норме пульс. Добавление, на первый взгляд несущественное, однако такой способ зондирования организма давал врачу больше информации о состоянии сердца и сосудов.

Теперь биофизик Дечев в качестве «зонда» использовал вспышки лампы.

Г. Дечев. А затем мы попытались определить, какие биохимические реакции ответственны за биопотенциалы, их мозаику, смену ритма. Мы использовали разные методы. Так, с помощью вакуум-фильтрации выкачивали воздух из межклеточных пространств, а вслед за этим вынуждали растение пить раствор, насыщенный теми или иными солями. Или, наоборот, вводили ингибиторы — химические соединения, подавляющие определенные звенья обмена. И каждый раз, насыщая клетки заданными веществами или выключая интересующие нас звенья обмена, продолжали зондировать клетки уже привычными для них вопросами — азбукой ламповых вспышек.

Результат получился для нас совершенно неожиданным. В ответ на вмешательство потенциалы менялись, но не столь специфически для каждого вещества, как хотелось. Иными словами, саморегулирующие механизмы клетки компенсировали любые нарушения, если только они не оказывались чрезмерными.

Так природа еще раз проявила свою всепредусматривающую мудрость. Конструируя и создавая живые существа, не важно, одно- или многоклеточные, она снабжала их дублирующими друг друга и одновременно отличными один от другого способами молекулярных превращений. Блокирован, не срабатывает один — клетка сумеет перестроиться на соседний. Вот только как она их выбирает? Каким критерием каждый раз пользуется?

Г. Дечев. Кое-что было известно. Скажем, бактериальная клетка очутилась в среде, богатой сахаром. Для его расщепления требуется определенный фермент. Допустим, какое-то его количество действует в клетке, но в новых условиях его уже не хватает. Тогда, чтобы ускорить утилизацию продукта, клетка так меняет структуру фермента, что эффективность его действия повышается на двадцать процентов. Если же требуется еще более высокая скорость, включаются генетические механизмы, и в клеточный котел выбрасываются дополнительные порции катализатора. Эффективность расщепления возрастает в двести раз, но для этого требуется более продолжительное время. Конечно, клетка умело пользуется обоими способами и каждый раз с наивысшей экономностью: без лишних затрат строительных материалов и энергии.

Итак, способ был известен — следовало расшифровать закон, согласно которому этот способ проявляется. А это необходимо, чтобы в дальнейшем научиться искусственно моделировать живую систему. Мы у себя долго обсуждали эту проблему. Решение ее потребовало применить физико-математические закономерности, чрезвычайно сложные для популярного объяснения. Скажу лишь, что в конце концов мы разработали теоретическую модель обмена веществ, объединив математический аппарат оптимального регулирования американского ученого Беллмана и принцип максимума советского академика Л. С. Понтрягина.

Все же попробую пояснить это на примере. Допустим, речь пойдет об обмене энергии. Как известно, в живых организмах она накапливается в виде аденозинтрифосфорной кислоты — АТФ. Также известно, что чем больше энергии, тем выше уровень жизни, а пути синтеза АТФ могут быть самыми разными. Так вот: в каждой новой ситуации организм стремится использовать такие способы ее получения, чтобы из меньшего количества исходных продуктов за тот же отрезок времени получить больше АТФ. То есть для получения максимума он ищет оптимальный путь.

Позволю себе любопытное отступление. Когда мы сформулировали этот принцип, то неожиданно увидели, что подтвердили дарвинское положение о естественном отборе на молекулярном уровне. Внутри каждого организма идет постоянная конкуренция между различными путями обмена для одного и того же вещества. И точно так же, как в процессе эволюции, побеждает оптимальный вариант — более экономичный, а значит, наиболее приспособленный для конкретных, ежесекундно меняющихся условий существования.

И теперь, если вспомнить наши прежние опыты, становится понятным почему подавление

какого-то одного звена обмена не отражалось специфически на биопотенциалах клетки. Ведь эти электрические сигналы отражают всю — единую — мелодию молекулярных превращений. Следовательно, нам надо научиться в общем звучании слышать партии каждого отдельного инструмента—изучать, как меняются в нормально действующей клетке отдельные обменные процессы.

Некоторое время назад физики всего мира — безоговорочные лидеры науки первой половины XX века вынуждены были признать, что молодежь все больше привлекают биология и медицина. Понять причины такой переориентации не составляло труда: она совпала с крупнейшими победами биологии.

Однако интерес к физике не угас. Напротив, сегодня все больше биологов применяет для познания живого методы точного естествознания, весь арсенал современной науки, в том числе изощренную технику физического эксперимента. Тем более, что микроорганизмы, растения, животные и сам человек выстроены из атомов и молекул.

И такой путь исследований вообще становится единственно возможным, если учесть всю сложность задачи, за решение которой взялась группа Дечева. Можно с уверенностью предположить, что проблемы, подобные этой, трудно, если вообще возможно, разрабатывать сравнительно небольшому коллективу ученых.

Г. Дечев. Вы, безусловно, правы. Но в своем поиске мы не одиноки. Надо сказать, что наука никогда не развивалась изолированно, тем более в наши дни.

Несколько лет назад для сотрудничества биофизиков в рамках СЭВ объединили свои усилия свыше 70 научно-исследовательских институтов стран социалистического содружества. Наиболее важные проблемы были разделены на пять направлений, во главе которых встали крупные ученые. Так, проблему мышечного сокращения возглавляет член-корреспондент Венгерской Академии наук Йожеф Тиди, мембран и энергетики—советский биофизик Ю. Владимиров, за разработку аппаратуры для научных исследований отвечает ваш академик Г. Франк, раздел радиобиологии координирует профессор Зденек Карпфель из Чехословакии, наконец, регуляцию обмена веществ—ваш покорный слуга. Но, понятно, такое разделение и руководство достаточно условно, оно необходимо лишь для разумного планирования.

Однако вернемся к проблеме, о которой мы беседуем. Увидеть всю мозаику обменных процессов можно лучше всего с помощью спектрофотометрии. Но так как свой спектр имеет каждая реакция, а их сотни и тысячи и все они протекают за десятитысячные доли секунды, то существующие приборы нас удовлетворить уже не могли. Пришлось замахнуться на создание нового. Его конструкцию мы разрабатывали вместе с Институтом биофизики Академии наук СССР, в частности с лабораторией, возглавляемой профессором Л. П. Каюшиным, нашим давнишним другом, и также академическим Институтом геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского. Результат, как нам кажется, говорит сам за себя: наш спектрофотометр снимает до 15 тысяч спектров в секунду, тогда как самые быстрые американские, существующие в продаже, пока не перешагнули рубеж 250!

Мы отлично представляем трудности избранного нами пути. Но познание закономерностей обмена веществ, в конечном счете познание закономерностей жизни всегда было фундаментальной проблемой биологии. Каждое поколение ученых решало ее в соответствии с теоретическими и техническими возможностями своей эпохи. Нам в этом смысле намного легче: наши предшественники не имели столь совершенной аппаратуры, рождаемой ныне в стремительном беге научно-технической революции.

София — Москва.

ГАСТРОЛИ

СКАЗАТЬ ЛЮДЯМ ДОБРОЕ

Заслуженная артистка РСФСР Р. М. Озерова в роли Лизы и Г. Н. Семенов — Алексей Берестов.

Знакомство с Театром оперетты Кузбасса, театром сибирского рабочего края, началось еще у афиш. «Акулина» И. Ковнера, «Кето и Котэ» В. Долидзе, по непонятным причинам забытые многими театрами, возрождены сибиряками. Возрождены по-своему, что особенно радует. Привезли кемеровчане и совершенно новый спектакль: «Дочь океана» В. Баснера; москвичи были первыми зрителями.

«Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» — такой эпиграф предпослан повести Пушкина «Барышня-крестьянка»; с полным правом его можно отнести и к пьесе Адуева «Акулина» и к музыке Ковнера. Трудно разделить в «Акулине», которую показывают кемеровчане, действующих лиц на главных и «остальных»: так тесно переплетены судьбы Лизы и ее служанки Насти; Алексея Берестова и камердинера Степана; Акульки, дочери кузнеца, и Сеньки-подпаска... Есть сила — в спектакле кузбасской оперетты это главная мысль,— которая сближает людей: человеческое достоинство.

Алексей сыгран Г. Семеновым очень точно, хотя молодому актеру (Семенов — по профессии инженер, он поет в театре третий сезон) все еще не хватает в роли того, что делает ее яркой, заметной; что-то словно сковывает артиста в образе молодого Берестова. Зато у Лизы сродни березам не только сарафан крестьянки; воспитание мисс Жаксон не стерло главного: она «русская душою»... Пушкинская симпатия к истинно русским женщинам легла в основу работы артистки Р. Озеровой над образом Лизы... По-своему интересен и Степан у В. Титенко; все недостатки его героя от попытки перенять что-то «барское».

Служанка Лизы могла бы остаться в тени, но А. Тараненко делает этот образ одним из центральных в оперетте,— столько в ее Насте смекалки, юмора, так легка и непринужденна она в любой ситуации!..

Но вот и подошел к концу этот спектакль, ставший таким добрым и праздничным. И я слушаю, что говорит Т. Д. Гогава, главный режиссер:

— Наш коллектив существует тридцать лет. Постоянным остается его девиз: слова Гоголя о том, что театр — «кафедра, с которой можно много сказать миру добра»... Кемерово часто называют форпостом индустрии, значит, наш основной зритель — рабочие, и с ними у нас очень тесный контакт. Но это не только совместное обсуждение спектаклей. Ведь главным для нас является не «тема», а человек, который может подняться до огромных высот, важно лишь коснуться нужной струны, чтобы пробудить в нем «дум высокое стремленье»...

Н. МУРНОВА

ШИНУ УВИДЕЛ ФЕЮ!

Сцена из спектакля «Большая волна Ганга»
Фото М. Строкова

Они живут повсюду — неутомимые искатели счастья, люди с горячим сердцем и свободной душой, презирающие особняки городов, железные двери банков, хитроумные заботы дельцов. Эти люди — цыгане, вольный, но испокон веков гонимый народ.

О нелегкой судьбе индийских цыган рассказывает азербайджанская поэтесса Джахан Афруз. Автор избирает для своей романтической повести «Большая волна Ганга» тот период истории индийского народа, когда извечная трагедия кастовости перестала резко разделять человеческие судьбы. В основу пьесы положена древняя индийская легенда... Есть остров на стремнине священного Ганга; в самую лунную ночь сюда выплеснется большая волна и на своем гребне принесет добрую фею. Узнать ее может только то сердце, в котором загорелась настоящая любовь. Фея волны одарит любящее сердце взаимной любовью и счастьем.

Однако наяву никому еще не удалось встретить фею волны... Увидел ее во сне цыганский мальчик Шину; он поверил в легенду и переплыл в лунную ночь на остров. Каково же было его пробуждение?.. На следующее утро газеты принесли весть, что из индийской конституции выброшен старый закон о кастовости, отчуждавший «неприкасаемых»!..

Теперь стала возможной любовь цыганки — певицы Сафи и Чандра — молодого индийского инженера... Теперь никто не посмеет глумиться над мальчиком Шину, которому отныне открыты все дороги в широкий мир равенства.

Взволнованно и страстно на сцене цыганского театра «Ромэн» звучит драматическая новелла Джахан Афруз в постановке артиста Б. Ташкентского. Темпераментны танцы, поставленные дипломницей ГИТИСа В. Бочаровой. Удачно сочетает азербайджанскую и индийскую музыку в спектакле композитор И. Егиков.

Н. ЗЫБИНА

ВЫСШАЯ ДО

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Фото авторов.

Тихо звучит ритмичная музыка, и в такт ей раздается звонкое цоканье, словно скачут по каменистой дороге всадники. Несколько секунд кони идут вразнобой, но тут же подстраиваются «в ногу», и цоканье копыт снова сливается воедино. Никаких коней здесь, разумеется, нет — это девчата учатся печатать на пишущих машинках и под магнитофон отрабатывают ритм работы.

Машинистки - делопроизводители — одна из одиннадцати профессий, которым обучают школьников в Учебно-производственном комбинате Ворошиловского района столицы. Комбинат этот — учебное заведение необычное, совершенно нового типа. От общеизвестных ПТУ он отличается тем... Впрочем, попросим рассказать о нем директора Веру Давыдовну Цукерман, директора тоже необычного: она, конечно, педагог — преподаватель физики и общетехнических дисциплин, но, кроме того, еще и инженер-конструктор первой категории. Соединение инженерного и педагогического образования тут совершенно необходимо, и необходимость эта диктуется задачами обучения.

— Наш комбинат существует второй год,— говорит Вера Давыдовна,— создан он был при самом горячем участии районного Совета депутатов трудящихся и многих ведущих предприятий района. Было решено поставить дело «на широкую ногу» — полностью переоборудовали стандартное школьное здание, расширили классы и лаборатории, оборудовали их новейшими станками, приборами и установками. К нам на занятия приходят ученики старших классов восемнадцати школ района — полторы тысячи человек. А с нынешнего учебного года это число удваивается.

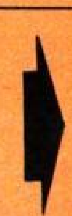
Это не вариант ПТУ — каждый школьник занимается у нас только один день в неделю, и наша цель не столько научить его той или иной профессии, сколько дать ребятам представление о ней — профессиональную ориентацию.

Несомненно, что бóльшая часть из них придет потом на предприятия района уже подготовленными рабочими, лучшим даже будет присвоен соответствующий разряд.

Когда мы закончили оборудование комбината, раздались голоса маловеров: «Подождите, посмотрите, во что превратится через месяц вся ваша новейшая техника!» Но вот прошел первый учебный год, и скептики посрамлены — все по-прежнему сверкает новизной, чистота прямо больничная. Ребята удивительно бережно ко всему относятся, потому что видят — здесь все всерьез. Это же не те «списанные» станки, с которыми

Учебно-производственный комбинат Ворошиловского района Москвы. За пять минут до звонка.

ЛЖНОСТЬ

они имели дело в школьных мастерских на уроках труда, и обучают здесь школьников высококвалифицированные мастера и инженеры, откомандированные сюда предприятиями и научными институтами...

— Перечислите, пожалуйста, все специальности, которым здесь обучают.

— Ну, машинисток-делопроизводителей вы уже назвали. Остается десять — слесари, токари, фрезеровщики, шоферы, автослесари, лаборанты металловедения, лаборанты-радиоизмерители, радиомонтажники, сборщики резисторов и чертежники-конструкторы. Причем профессии мы не навязываем. Первый месяц дается ребятам на то, чтобы присмотреться, найти себе дело по склонностям и характеру. Например, радиомонтажникам и сборщикам резисторов требуется усидчивость, и не случайно подавляющее большинство тут — девчата. Мальчишек больше привлекают станки, автомобили и прочая «масштабность». В первый месяц мы разрешаем переходить из одной группы в другую, этого срока достаточно, чтобы все определились.

Ну, а что говорят о комбинате сами ребята?

Инженер ВНИИ неорганических материалов Госатома В. Е. Вишневский ведет занятия с радиоизмерителями.

Андрей Юревич, ученик 10-го класса 130-й школы, токарь:

— Здесь, конечно, интересней, чем в школе. Станки современные, новенькие, и если в школе детали после урока сваливали в ящик, чтобы выбросить, то тут они идут в дело, нужные они. Полдня мы за станком, а вторая половина — теоретические занятия. Учеба получается очень серьезная.

Таня Васильева, ученица 10-го класса 92-й школы, сборщица резисторов:

— В школе на уроках труда тоже было здорово — мы шили платья, юбки, блузки и сами их потом носили. Но тут лучше. Во-первых, шить мы учились для себя, а теперь работаем для людей. Цех наш ничем не отличается от заводского, и даже более совершенный. Работа, правда, кропотливая, а чтобы однообразие не чувствовалось, все время звучит магнитофон. Узлы, которые мы собираем, потом проходят ОТК и поступают на сборку в цех Первого Московского завода радиодеталей, значит, мы не просто учимся, но и пользу людям приносим...

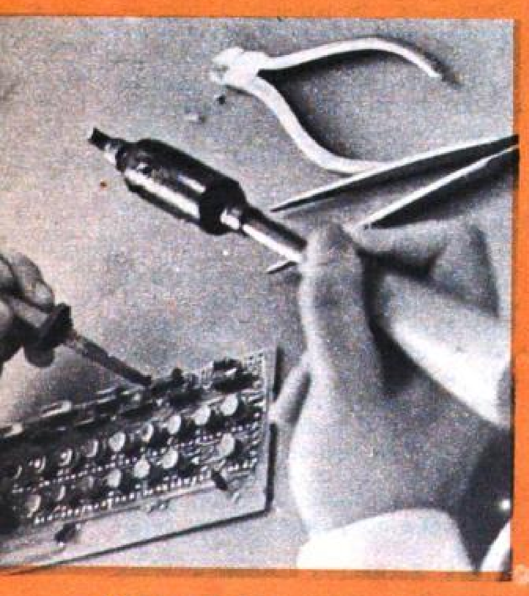
Надя Ян, ученица 10-го класса 161-й школы, чертежник-конструктор:

— Мы будем здесь учиться, пока не окончим десятый класс. У себя в школе, как и все девочки, я занималась шитьем, но люблю технику, так что для будущего комбинат дает большие возможности. По черчению я и в школе имела пятерку, но здесь отличное оборудование — не просто чертежная доска, а настоящие кульманы. Так легче осваивать эту профессию. И еще тут хорошо потому, что группы у нас смешанные — ребята из разных школ, мы все перезнакомились и подружились...

Итак, свой первый год Учебно-производственный комбинат уже прожил, и прожил неплохо. Правда, нынешним летом его воспитанники еще не пришли на предприятия — они окончили только девятый класс. Впереди еще год, который окончательно утвердит многих ребят в правильности сделанного ими выбора. С этой осени вместе с ними приходят сюда вчерашние восьмиклассники. А наши нынешние знакомые, окончив занятия в комбинате, в большинстве своем пополнят ряды рабочих столицы.

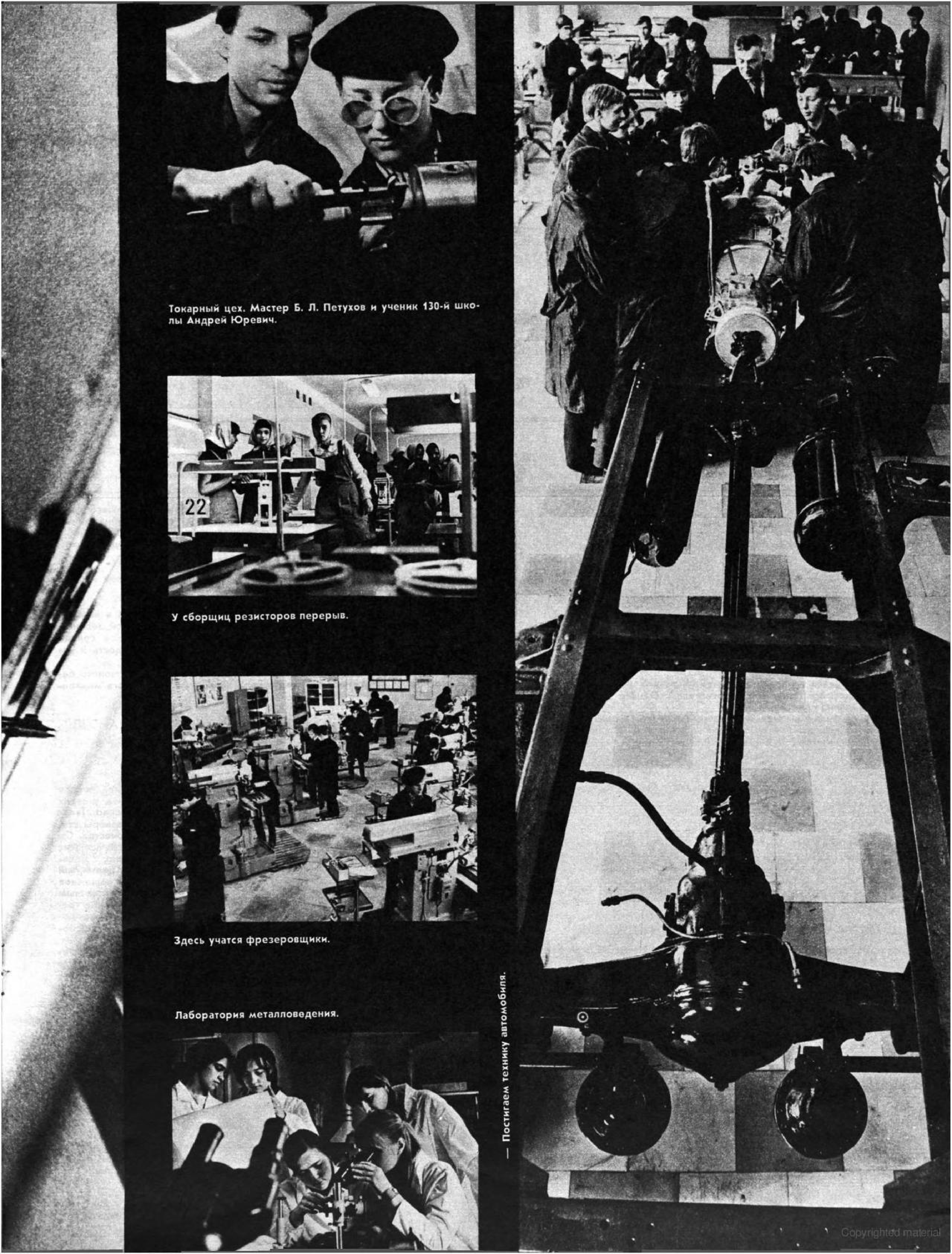

Радиомонтажный цех.

Тонкая работа.

Ученица 161-й школы Надя Ян избрала специальность чертежника-конструктора.

Токарный цех. Мастер Б. Л. Петухов и ученик 130-й школы Андрей Юревич.

У сборщиц резисторов перерыв.

Здесь учатся фрезеровщики.

Лаборатория металловедения.

— Постигаем технику автомобиля.

ЖИВОПИСЕЦ-ПОЭТ

Надо не только иметь глаз, но и внутренне чувствовать природу, надо слышать ее музыку и проникаться ее тишиной.

И. Левитан.

Г. ЩЕРБАКОВА

Есть имена, само звучание которых вызывает поэтическое настроение. Перед нами встают один за другим образы, созданные поэтом, в какой бы сфере искусства он ни творил. К их числу мы можем смело отнести имя Станислава Юлиановича Жуковского, прекрасного русского живописца.

Жуковский не только художник. Он поэт. И, пожалуй, не много можно назвать произведений русской живописи, в которых поэзия родной природы так великолепно выражена.

Смотри, как золотом облит наш парк печальный,
Как радостно цветы в последний раз блестят...

Эти строки стихотворения А. Апухтина ожили на полотне «Последние астры». Еще не отцвели последние осенние цветы, а земля уже осыпана золотом березовых листьев. По-прежнему зелены ели и сосны, горделиво стоящие по сторонам аллеи заросшего парка. Тусклое, серое, осеннее небо проглядывает между ветвями. Тихую грусть, как при расставании с чем-то дорогим и близким, рождает в нас это произведение, в котором, как и во всех его пейзажах, видна тонкая поэтическая душа мастера.

Русская пейзажная живопись второй половины девятнадцатого века дала нам таких блестящих мастеров, как А. Саврасов, Ф. Васильев, И. Шишкин и В. Поленов, и достигла своего наивысшего расцвета в творчестве И. Левитана.

Жуковский по праву считается не только любимым учеником Левитана, но и его прямым продолжателем. Однако творчество художника совершенно самостоятельно.

Станислав Юлианович — мастер лирического пейзажа. Его привлекают тихие, скромные уголки, овеянные поэзией тишины, рождающие в душе чувство грусти и одиночества.

Старая Русь. Ветхие усадьбы. Тихие ансамбли, уютные интерьеры. Полузаброшенные имения... Вот тема некоторых его полотен.

Так, невозможно-несомненно,
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.
(А. Фет.)

...Жуковский родился в небогатой семье 13 мая 1873 года. Отец его был управляющим в имении неподалеку от Гродно. Там он провел свое детство. Вскоре мальчика отправляют в Варшаву, в классическую гимназию, по окончании которой он едет в Белостокское реальное училище. Здесь и решается его дальнейшая судьба. Учитель рисования С. Н. Южанин обращает внимание на незаурядные способности юноши и уговаривает его ехать в Москву, в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он становится сначала вольнослушателем, а затем студентом училища. А. Архипов, С. Коровин, Н. Касаткин, В. Поленов, И. Левитан руководят занятиями молодого Жуковского, который по частицам постигает основы профессионального мастерства. Поленов раскрывает перед ним волшебство колорита, Левитан приносит свою поэтическую задушевность и необыкновенное чувство гармонии. Успех приходит к художнику быстро. На передвижных выставках начинают регулярно появляться его пейзажи, отличаемые прессой в числе лучших. «Союз русских художников» с гордостью принимает в свои ряды талантливого живописца. Его работы приобретает П. М. Третьяков для своей галереи — факт, подтверждающий полное признание. В 1907 году ему присуждается звание академика «во внимание известности на художественном поприще». В начале двадцатого века Жуковский становится одним из популярнейших русских пейзажистов. Однако слава не ослепляет его. Он продолжает работать, совершенствовать свое мастерство. Манера письма становится все более свободной, колорит насыщеннее, исчезает некоторая дробность, свойственная его ранним работам. Необычайных результатов достигает живописец в передаче световоздушной среды. Картины как бы наполнены воздухом. Солнечный свет дрожит на листве деревьев. Проникает сквозь оконные ставни. Приносит зрителю радость и тепло.

Жуковский пишет природу в разные времена года и в различном состоянии. Но особенно его привлекает поздняя осень. Глядя на его холсты, вспоминаются пушкинские строки:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

«Осенний вечер» — полотно, проникнутое поэзией уходящего лета. Заброшенный дом освещен последними лучами солнца. Обнаженные стволы деревьев четким силуэтом рисуются на фоне вечернего неба. Пустынно и одиноко вокруг. Ощущается приближение холодной осенней ночи. Звучат строки Брюсова:

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

...Радостно мажорное звучание солнечного осеннего дня в картине «Осень. Веранда». Золото берез переплетается с изумрудной зеленью елей. Букет цветов на столе — последний букет осени. Яркое солнце отдает свое последнее тепло, согревая землю, принося радость и надежду.

А вот совсем другая осень. «Лесная дорога» — поблекло золото берез и осин, потускнела синева небес, и лишь заросшая дорога медленно уводит нас куда-то вдаль.

...Лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.
(В. Брюсов.)

Жуковский мало живет в городе, путешествует по средней полосе России. Часто останавливается погостить в старинных усадьбах, у своих друзей. Больше всего времени он проводит в имении Брасово, Тверской губернии, где созданы его лучшие произведения. Интерьеры старых домов становятся чуть ли не основной темой его творчества. Он влюбляется в эти тихие ансамбли с анфиладами комнат, уставленных старинной мебелью, с портретами предков на стенах. Бережно, с большой любовью художник пишет детали обстановки: яркий цветочный узор на вазе, шаль, словно кем-то забытую на стуле, букет васильков на столе («Комната в имении Брасово», 1916). Оживленные солнечным светом краски сверкают сотнями оттенков, наполняя произведение трепетом жизни. Мы невольно, глядя на полотно, погружаемся в атмосферу тех ушедших дней. Порою словно слышим скрип половиц под ногами героев романов Тургенева...

Жуковский очень любит писать воду. Передача жизни водной стихии удается ему до осязаемости, будь то суровые, холодные воды Немана, или спокойная гладь реки Вятки, или ласковые, подгоняемые теплым летним ветерком волны приусадебного пруда.

Над водным простором широким
Огонь в облаках пробегает,
Дрожит в отраженье глубоком
И, тихо блеснув, угасает...

Эти строки Адама Мицкевича, возможно, вдохновляли художника при создании многих его картин.

Величавое спокойствие неторопливо несущей свои воды реки передано с большой убедительностью в полотне «Река Вятка». Течение как бы застыло, утомленное летним зноем. Высоко в небе плывут легкие облака. Голубое небо сливается с поверхностью реки, создавая ощущение необъятности. Этот мотив перекликается с левитановскими пейзажами своей эпической широтой и философской задумчивостью.

...«Купальня в парке». ...Прелестное белое строение на берегу пруда в заросшем парке. Невольно вспоминаешь тургеневских героинь. Сюда

С. Жуковский.
1873—1944.
РЕКА ВЯТКА.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА.
1898.

Государственный художественный музей БССР, Минск.

С. Жуковский.
ОСЕНЬ. ВЕРАНДА.
1911.

Государственный
Русский музей.

С. Жуковский. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР. 1905.

Государственная Третьяковская галерея.

КУПАЛЬНЯ В ПАРКЕ. 1913.

Калининская областная картинная галерея.

ГАСТРОЛИ

СВОЙ СТИЛЬ, СВОЙ ВЗГЛЯД...

Д. Барков и Л. Дьячков в спектакле «Жестокость».

Фото А. Бертика.

Нина ГУЛЯЕВА,
народная артистка РСФСР

Гастроли Ленинградского театра имени Ленсовета закончились, но москвичи будут их помнить долго. И, наверное, больше всего «Укрощение строптивой» в постановке И. Владимирова, спектакль-праздник, карнавал, пронизанный стихией остроумия. Бесконечно разнообразная А. Фрейндлих (Катарина) и способнейший Д. Барков (Петруччо) ведут свой «поединок» всеми средствами, возможными в театре: словом, жестом, движением и даже рапирой. Я не знаю, какое лицо у Баркова, когда он приходит в гримерную: возможно, что после какого-либо сверхтемпераментного монолога он, что называется, еле дышит... Но, когда я вижу его на сцене, у меня не возникает ни малейшего сомнения, что та нервная энергия, которую он так беззаветно тратит, возвращается к нему, умноженная на зрительский восторг... В спектакле запоминаются едва ли не все исполнители: Люченцио — Л. Дьячков, Транио — А. Пузырев, Бьонделло — А. Петренко, Грумио — А. Равикович. Каждый смело и уверенно открывает яркий характер...

Как после «Укрощения» сыграть «Преступление и наказание»? Здесь мало одного лишь профессионального умения. Ибо героев Достоевского невозможно «демонстрировать» зрителю, оставаясь внутренне спокойным и неуязвимым; нет, актер должен ощутить их в себе, должен создать их из собственной плоти и крови, а для этого необходимо и человеческое и артистическое мужество.

Дьячков — Раскольников абсолютно подчинен своей всепоглощающей идее; она заставляет его действовать словно бы в другом мире — по другим законам, нежели те, которым мы следуем в обычной, не искаженной страстями действительности... И способность артиста к эмоциональному «взрыву» заставляет прощать ему некоторую чрезмерную декоративность сценического рисунка.

Великолепны диалоги Раскольникова и Порфирия Петровича — его играет Е. Каменецкий; это словно бы серии стремительно ускоряющихся взаимных «уколов» и защит... И вот неизбежное — срыв. Обморок... А потом Раскольников обводит глухое пространство внимательным и тревожным взглядом, боясь увидеть признаки опасности и втайне от самого себя мечтая об этом...

Фрейндлих — Катерина Ивановна... Как играет она сцену безумия!.. Сколько настроений, сколько оттенков чувств, какой причудливый и какой достоверный монтаж! И какая боль...

Нет и не может быть счастья, если путь к нему ведет через преступление. Эта мысль театра ясно прочерчивается в спектакле. И она же заставляет с особой остротой почувствовать: самая высокая ценность на земле — человеческая жизнь.

Еще один спектакль я бы отнесла к программным: «Жестокость» (по повести Павла Нилина). Здесь театр высказывает, как мне кажется, еще одну принципиально важную для него мысль: любой лжи — будь то ложь во спасение или ложь во имя великой цели — нет оправдания. Вечная юность этой идеи дарит главным ее носителям Л. Дьячкову (Вениамин Малышев) и Д. Баркову (Рассказчик) и юношеский облик и юношескую остроту восприятия. И бескомпромиссность.

Все ленсоветовцы — правомочные представители своего театра, а не просто добросовестные исполнители. И здесь нужно снова назвать имя главного режиссера — Игоря Владимирова, не потому, что так принято, а потому, что именно его склад художественного мышления, острый и парадоксальный, помог коллективу найти свой стиль, свой взгляд в искусстве.

они приходили мечтать, милые и трогательные девушки, задумчиво глядя на воду. Этот очаровательный уголок не мог оставить художника равнодушным, и он создает пейзаж, полный радости, солнца и света. Прочтите эти стихи Никитина:

Окаймленное кустами
Молодых ракит,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

И взгляните на холст.

...Необыкновенно красив колорит картины. Ослепительная белизна купальни, озаренной ярким светом, оттеняет глубокую синеву подернутой рябью воды и сочную зелень прибрежных кустов. Краски сверкают подобно драгоценным камням, переливаясь всевозможными оттенками. Влюбленность в жизнь, в красоту природы запечатлена с глубокой проникновенностью в этом небольшом пейзаже.

Каждым ударом кисти, каждым образом природы, созданным на полотне, художник воспевает красоту и поэзию родных мест, столь близких и дорогих его сердцу.

* * *

Октябрьская революция застает Жуковского в расцвете творческих сил, полным замыслов и надежд. Он принимает активное участие в художественной жизни молодого государства. Работает в совете Третьяковской галереи. Экспонирует свои работы на последних выставках «Союза русских художников». В 1921 году устраивает в Москве свою персональную выставку.

Однако дальнейшая судьба художника складывается трагично. По сложным, далеко не выясненным причинам он покидает Родину... Поначалу он много работает, организует свои выставки в Варшаве, Кракове, Катовицах. Однако постепенно модернизм овладевает искусством Запада, и интерес к творчеству реалиста Жуковского все уменьшается.

...Тоска по Родине не оставляет его. Он продолжает переписываться со своими друзьями в России, постоянно мечтает о возвращении. Создавая все новые пейзажи, он пытается воспеть в них все то, что было так дорого и любимо им в России. Война застает Станислава Юлиановича в Варшаве. Семидесятилетний художник попадает в фашистский концентрационный лагерь близ Прушкова. Нравственные потрясения, лишения и болезни приводят к печальному концу. В 1944 году он погибает. Прах его покоится в братской могиле вместе с другими узниками лагеря. Он умирает безымянным, с номерным знаком на полосатой куртке... Произведения Жуковского дороги нам тем, что в них воспета скромная, поэтичная красота природы России.

...Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное...

Мы чтим Жуковского за его любовь к русской природе, за его нежную и вдохновенную кисть. За его редкий дар художника-поэта, воспевшего любимую Русь.

Алексей БРАГИН

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТ

Пока, казалось, было еще далеко до плодоносного густого августа со звездами, падающими в озеро.

Снег забелил степи Семиречья, ребристые сугробы намело к подножию перевала, снег опушил карагачи, и во Фрунзе снег лежал, как всегда — и вчера, и месяц назад, и столетья,— на вершинах гор.

Но здесь, на приозерном плоскогорье, бесшумно ступала теплая бесснежная зима.

...Первые дни нового, 1960 года Ауэзовы проводили на Иссык-Куле. Хотелось отдохнуть от городской сутолоки, телефонных звонков, от сырого алма-атинского января.

Сдержал Мухтар Омарханович и давнее обещание доставить в каникулы удовольствие своему сыну-девятикласснику. Эрнар попросил разрешения взять с собой приятеля. Юноши восхищались и крутым серпантином Курдайского перевала, где у Валентины Николаевны закружилась голова, и яростным кипением стремительной Чу в угрюмой глубине Боомского ущелья, и всегда нежданным контрастным возникновением озерной голубизны на той, уже альпийской высоте, где, представлялось, могут встречаться только скалы и сопки.

Ах, Эрнар, Эрнар! В дороге он все-таки подвел отца. Когда меняли баллон, он спустился с ружьем к низине, поросшей слегка заснеженным кустарником, и наткнулся на табунок куропаток. Его приятель Толя, естественно, был в восторге, сам охотник неумело пытался скрыть свою радость, а отец отделался шуткой:

— Штраф за тебя я все равно платить не буду, набедокурил — сумей и ответить.

На пути к Иссык-Кулю они заезжали передохнуть во Фрунзе к давним своим друзьям Юдахиным, занимавшим на тихой Первомайской ничем не примечательный, приземистый особнячок. Трудно было даже предположить, что там находится редкостная библиотека ученого тюрколога, а по соседству с книгами хранятся и охотничьи трофеи.

— Вот посмотрите, Константин Кузьмич, на моего браконьера. Куропаток настрелял,— выдал Мухтар Омарханович сына в первые же минуты приезда...

— Куропаток?.. Сомневаюсь...— В словах Юдахина были и осуждение, и зависть, и недовольство.— Кеклики, должно быть. Тащи сюда дичь, стрелок.

И, уже разглядывая птиц, сокрушался:

— Куропатки. Бесспорно, куропатки. Видите темную подковку на грудке? Но кто же их стреляет зимой? Не одобряю! Кстати, где ты их нашел, Эрнар?

Профессор стал так дотошно разузнавать приметы низинки, что на лице Мухтара Омархановича появилась лукавая усмешка: мол, и ты не так уж безгрешен, старый охотник...

— Значит, снова на Иссык-Куль, ближе к духу нашего неба Хан-Тенгри. Завидую. Завидую и грущу, что не могу составить вам компании,— сокрушался Юдахин.— В это время там, вероятно, превосходно. Без курортников, без дачников. Мудро вы надумали. Между прочим, помните ли, Мухтар Омарханович, что Махмуд Кашгарский поместил в центре своей круговой карты мира родной Баласагун, а также Иссык-Куль.

— Именно Иссык-Куль, а не Мекку и Медину, как делали арабские картографы. Я знаю, что выбираю,— пошутил Ауэзов.

...Домик в Чолпан-Ате на берегу озера показался им одиноким, заброшенным. Только когда Эрнар и Толя наломали и натаскали хранившегося еще с осени саксаула, когда весело загудело в печи ровное и сильное пламя, когда Валентина Николаевна навела порядок и поставила на стол маленькую елочку, предусмотрительно захваченную из Алма-Аты, только тогда дохнуло дымком и теплом, и как-то разом улетучилась легкая грусть первого впечатления. Мухтар Омарханович придвинул плетеное кресло к очагу:

— Вот теперь, можно сказать — мы дома. Пенаты.

Помолчал, помолчал, потом взглянул добрыми глазами на хлопотавшую об ужине жену:

— Я, пожалуй, пройдусь, Валечка. Чтобы не мешать тебе. А помощники у тебя есть молодые...

Мухтар Омарханович не сразу узнал во дворе свое любимое абрикосовое деревцо. Потеряв листья, деревцо как бы утратило черты своей молодости, и потускневшие, стылые ветви зябко покачивались на слабом ветерке.

Низкое оранжевое солнце уходило на закат, к Рыбачьему, немного согрев Чолпан-Ату осторожными январскими лучами.

Мухтару Омархановичу никуда не надо было торопиться. Должно быть, с умыслом он отодвигал радостное мгновение свидания с озером, ради которого он, в сущности, и затеял всю эту, чуждую его характеру возню со строительством дома; берег был рядом, всего в нескольких десятках шагов, но он, словно побаиваясь разочароваться, медлил и медлил, даже не глядел в сторону Иссык-Куля, ради которого и очутился здесь в этот тихий и ясный зимний день, с его сдержанными красками и почти пустынным покоем. Чувство это, однако, было неожиданным и странным, потому что в пути, после Рыбачьего, машина часто приближалась к озеру, и Мухтар Омарханович тогда не отрывал глаз от многоцветной — золотистой у берега, зеленой дальше и темной, иссиня-темной к горизонту — воды. Вероятно, в те часы озеро было всего-навсего самой приметной частью дорожного пейзажа, а здесь, у домика — частицей его собственной жизни.

Он шел вдоль берега. Шел, всматриваясь в белую каемку из ракушек, намытую волнами, шел, с упоением вдыхая чистоту и свежесть приморского высокогорья.

Вода и горы. И он с ними наедине.

Горы с двух сторон охватывают озерную чашу, смыкаясь на западе и на востоке.

На севере — Кунгей-Алатау, на юге — Терскей.

На севере — за пологими взгорьями, за снежными пиками, за трудными перевалами— Алма-Ата. До нее напрямик рукой подать, она куда ближе киргизской столицы Фрунзе. Северный хребет рядом. Его рельефная крутизна ощущается почти физически. Крутобокое облако вползло в ущелье. Облако, сулящее снег. Его снег реален, как и тот вечный снег вершин, который сейчас заискрился, заалел в лучах закатного солнца. Но совсем не таким реальным воспринимается отсюда Терскей-Алатау. Юг. Он дальше, и поэтому воздушней, легче, туманней. Он словно лишен опоры, невесомый и розоватый в предвечерний этот час. Нежный рисунок, с удивительной естественностью вписанный в небо над Иссык-Кулем.

Северная и южная гряды, близкий Кунгей и дальний Терской, протянулись к востоку, и где-то там, у подножия гор, был город Пржевальск. От него не так далеко и до Каркары, колыбели казахского рода Албан. Эта долина с ее богатыми пастбищами и шумной ярмаркой описана в одной из ранних его повестей.

«Здесь будет моя долгая стоянка. Я никуда не убегу от зеркального льда,— говорил он сейчас про себя словами старинной песни,— впрочем, ты и не замерзаешь, озеро». Он присел на корточки у самой ракушечной кромки. Он сначала погладил ладонью мягкую, ленивую, чуть пенящуюся волну, а потом опасливо погрузил руки в воду до запястий. Но вода оказалась неожиданно теплой, значительно теплее воздуха.

Ну, что ты мне сулишь, Иссык-Куль, чем ты меня порадуешь?

Вспомнилось прошлое лето, первое лето новоселья.

Вспомнилась первая прогулка с женой вдоль берега. Песок, высокие тростники, перевернутая лодка, одинокий рыбак. У берега плавали утки.

— Смотри, дикие! — Мухтар Омарханович узнал по оперению селезня. Валентина Николаевна засомневалась, но в это же мгновение птицы взмыли вверх со свистящим шумом и сразу скрылись. Потом встретились кулички. Не такие пугливые, как утки, но и они, правда, не слишком торопко, побежали в камыши. Зато две белые цапли совсем не испугались людей и только недоверчиво глядели вслед внимательными темно-желтыми глазами.

А первое купание тогдашним летом в Чолпон-Ате!

— Знаешь, Валечка,— восторгался он,— вода бархатистая и такая прозрачная...

Он заходил в воду, казавшуюся только в первые секунды холодной, с чувством несравненного наслаждения. Мелкая рябь на глади озера ритмично проникала в глубину, вода упруго массировала тело. Песчаное зернистое дно становилось тем отчетливей, чем дальше от берега. Миниатюрные дюны, словно повторные волны, набегали друг на друга. На дюны ложилась солнечная, мягко колеблемая крупная сеть. Живые светящиеся ромбы. Светящаяся сеть? А может, солнечные соты, полные медовой воды? Ты ступаешь по дну и видишь свои белые ноги, видишь каждый ноготь, ты заплываешь на глубину и видишь, как твоя тень скользит по дну, и вдруг почувствуешь странное теплое прикосновение, и разглядишь пузырчатые струйки подводного родника.

...Январская неделя Ауэзовых в Чолпон-Ате оказалась не совсем такой, как было задумано. Их приглашали наперебой в гости: то председатель райисполкома, то преподаватель литературы из средней школы, то просто соседка, жена рыбака. И никому нельзя было отказать, потому что Мухтар Омарханович не хотел прослыть гордецом, которым он, впрочем, никогда не был, и еще главным образом потому, что он уже считал себя не дачником, а постоянным жителем поселка, связывал с Чолпон-Атой свое ближайшее будущее. Ему нравилось здесь все. И нарушаемая собачьим лаем вечерняя тишина, когда они возвращались из гостей, и ощутимый, как целебный напиток, воздух, и веточка койсары с красными ягодами в вазе рядом с настольными часами, подарком профессора Бейсембая Кенжебаева. Он легко смирялся и с тем, что в одиннадцать прекращал стучать движок электростанции конезавода и в доме зажигали керосиновую лампу.

Летом 1960-го Ауэзовы снова приехали на Иссык-Куль.

Гулко рокочут и быстро проходят грозы в горах Тянь-Шаня. Кочуют туманы, кочуют пушистые облака по склонам Кунгей-Алатау.

Иногда они заволакивают вершины, иногда сгущаются в темно-фиолетового оттенка тучи. Бывает и так: на севере гроза, близко вспыхивают стреловидные молнии, и высотный гром словно перекатывается по озеру; на юге гроза, и тогда ты видишь дальние вспышки-зарницы, но над тобою в Чолпон-Ате светлая голубизна, безветрие, покой.

Дожди и солнце, грозы и тишина. Знакомые цветы трудно узнать — такие они крупные и яркие. Не потому ли и знаменит здешний мед. А в конце лета вызревает смородина «Каракол», похожая на черный виноград, алыча, которую не иначе как поэт-селекционер прозвал «Искушением», исполинские персики и необычайно румяные абрикосы. Плодоносна иссыккульская земля. Плодоносен август, вершина лета.

Вставал Мухтар Омарханович рано, долго прогуливался один вдоль берега, а около восьми ему навстречу уже шла Валентина Николаевна, счастливая и словно помолодевшая, как он отмечал про себя молча,— ей не хотелось мешать его раздумьям — проделывала с мужем еще один маршрут до старой опрокинутой лодки. Потом он диктовал «Племя младое». Три-четыре часа, не больше. В рабочей комнате было тесно, прогуливаться из угла в угол нельзя, но это ему, в сущности, и не мешало. Он быстро свыкся с новой обстановкой и чувствовал себя совсем дома, в поношенной пижаме в синюю полоску, у настольных, привычно тикающих часов. Он чувствовал себя дома среди приобретенных в последние годы друзей — старых чабанов, строителей, партийных работников, входивших в страницы его книги такими, какими он их встречал и додумывал, не всегда уживчивых, не всегда покорных его первоначальным замыслам, но глубоко родных современников, спутников на трудных и прекрасных дорогах.

И все-таки он уставал быстрее, чем хотелось бы. Уставал в те самые минуты, когда работалось как нельзя лучше. Не без огорчения он прекращал диктовку и шел к домашним, к друзьям развеяться. Он не испытывал в Чолпон-Ате одиночества, да и не так уж нуждался в нем этим летом. Иногда хотелось поразмышлять на людях, проверить свои ощущения, свои наметки, а иногда и просто потолковать о том о сем.

Заходили отдыхающие по соседству, знакомые и мало знакомые. Приезжали из Алма-Аты и даже из Москвы по делам.

— «Выстрел на перевале» вы уже знаете,— говорил он о своих ранних повестях Зое Сергеевне Кедриной.— Надеюсь, познакомитесь и со второй вещью — «Лихая година». По замыслу, это вторая часть небольшой трилогии. Вы почувствуете, какая в ней боль. Страшно ныне подумать, из какой социальной бездны поднялся казахский народ. Имя этой бездны — патриархальщина. Я ведь ее в детстве и юности видел, что называется, воочию. Как вас сейчас. Для меня патриархальщина не отвлеченное понятие, а конкретная реальность. Реальность эта отброшена в прошлое, но живет в моей памяти. А у некоторых моих отсталых земляков живет еще и в психологии, даже в поступках.— И неожиданно менял интонацию:— Пойдемте кататься на моторке. День-то сегодня какой!

...Нет, совсем не отшельническим было это лето. Мухтару Омархановичу пришлось побывать на XXV Международном конгрессе востоковедов. Но и расставшись с озером, с Киргизией, на несколько московских дней, перегруженных встречами, впечатлениями, делами, Мухтар Омарханович однажды как бы досрочно возвратился в Тянь-Шань, слушая в актовом зале МГУ выступление знаменитого манасчи Саякбая Каралаева. В белой национальной войлочной шляпе — акколпаке, с лицом, продубленным ветрами и солнцем, с морщи-

МУХТАРА АУЭЗОВА

нами, высеченными, как надписи на камнях, Саякбай читал, вернее, пел наизусть, еще точнее — радовался и горевал, гордился и плакал навзрыд, вспоминая прошлое ритмичными, рифмованными строфами «Манаса», завораживая зал голосом и гортанным и протяжным, словно многократное эхо в ущелье. Даже не знающий языка мог угадать и конский топот, и звуки битвы, и раздумья после боя. Потом в перекличку с киргизским манасчи вступил казахский акын Кенен Азербаев, друг и ученик Джамбула. Он жил в Семиречье, в колхозном ауле у самого подножия Курдайского перевала, чуть в сторону от главного тракта. Старик с продолговатым красивым лицом и белой библейской бородой, он удивил всех и в том числе — уже не в первый раз! — Мухтара юношески чистым и юношески высоким голосом, совершенной музыкальностью и поэтичностью песен.

Конечно, Мухтара Омархановича не могли не радовать признательные отзывы о его докладе и Бесима Аталая из Турции, и немецкого тюрколога Анны фон Габен, и француза Базена, но больше всего растрогала нежность к нему Саякбая и Кенена. Не только ученого видели они в нем: кто, как не Мухтар, умеет до тонкости понимать мастерство импровизации, кто, как не Мухтар, знает лучше всех и Абая и «Манас»...

После вечера с манасчи и акыном он заторопился на Иссык-Куль. Там его ожидала и почта: среди писем и телеграмм особенно позабавила одна, из Чаяна, неумеренно восторженная и несколько многословная. В ней сообщалось о переименовании одного ущелья, до сих пор называвшегося Глубоким, в ущелье Мухтара Ауэзова. Он взглянул на многочисленные незнакомые подписи—их было чтото около двадцати — и вдруг заулыбался: «Иванов». Хоть Ивановых и много, но только один из них, милый друг Всеволод, мог придумать такое. Да ведь он и путешествует сейчас по Южному Казахстану. А вот и вторая его телеграмма, уже из Чимкента, о скором прибытии в Чолпон-Ату. Хотя организованным человеком Всеволода и не назовешь, но в сроках он точен; значит, надо поехать во Фрунзе встретить.

...Валентина Николаевна не сразу могла взять в толк, о чем они говорили сразу после приезда. Поминалась какая-то парижская гостиница, Мухтар Омарханович задыхался от смеха и обещал своему другу привести такого коня, который затмит его цирковую Нубию, а Всеволод Вячеславович сохранял совершенно невозмутимый вид, только изредка роняя краткие реплики:

— Пожалуйста, не обижай мою старую Нубию. Да, в Чимкенте, в цирке Шапито, я действительно встретил не совсем Нубию, но очень похожую на нее лошадь. И султан, какой султан! Если бы моя Нубия была им украшена!.. А когда наездница поворачивалась к зрителям спиною, мне казалось, что это я собственной персоной. Перемещение во времени, так сказать...

— У тебя сильное воображение, Всеволод. Я бы даже сказал, грандиозное. Помнится, я тебе уже говорил однажды, что видел тебя в Семипалатинске, когда ты меня не видел. Я пошел смотреть великого факира и дервиша Бен-Али-бия...— Мухтар Омарханович произносил по-казахски «Али-бия», а не бея.— Но, прошу прощения, меня очень разочаровал твой курносый нос. И, кроме того, ты никак не мог скрыть боли, пронзая свои щеки не то шпагой, не то булавкой. Выходит, один ты был убежден в реальном существовании Бен-Али-бия.—Выразительные губы Мухтара Омархановича вытянулись в трубочку.— Да-а-а. Молодые мы тогда были. Мне, семинаристу, лет шестнадцать-семнадцать, тебе, факиру, года на два больше. Но по казахскому обычаю мы курдасы, ровесники. Я имею право шутить с тобой. А если без шуток, свою Индию ты, в общем, открыл. Не так ли?

— Я ее еще продолжаю открывать, Мухтар. Индия в мечтах моей молодости — Страна Ежедневных Изменений. Это же и есть наш Казахстан. Твой и мой. Я заболел югом, Мухтар, предгорьями Каратау.

— Я тоже. Только я тебе не посылал таких восторженных телеграмм, да еще с коллективными подписями.

— В Южном Казахстане, друзья, много красот. Вы их знаете лучше меня. А на Красном озере бывали? А у мечети Баба-ата? Бывали, значит. Ну, а глубокое ущелье, оно, по сути, безымянное. Правда, родник там необыкновенно чистый. Но вот гнездо орла, поверьте, не так уж часто встретишь. Когда увидел гнездо, я сразу подумал: твое ущелье, Мухтар.

...Всеволод Вячеславович отказался прилечь отдохнуть и с удовольствием отправился с Мухтаром Омархановичем погулять.

Валентина Николаевна вышла на крыльцо их проводить. Каким-то очень домашним, своим представился ей в этот приезд Всеволод Иванов. В нем трогало и забавляло все: и брюшко, по поводу которого он сам добродушно подтрунивал, и смешно сидевший на нем черный берет, и парусиновые брюки защитного цвета. Но, главное, ее радовало, что они с полуслова понимали друг друга, и в глазах Мухтара исчезла так часто появлявшаяся в последнее время грустная задумчивость.

Валентина Николаевна видела, как они подошли к самому краю берега и долго-долго стояли там, должно быть, любуясь и озером и Терской-Алатау.

...Вскоре в домике Ауэзовых появились новые гости. Старый знакомый Всеволода Иванова Аалы Токомбаев с женой — они отдыхали неподалеку — и поэт Темиркул Уметалиев.

— Знакомьтесь, дорогие. Вот это милая Зейнеб, жена нашего Аалы, моя землячка, а по старым обычаям даже родственница. Мы из одного рода Тобыкты. А Темиркула я пригласил, чтобы тебе был верный спутник по путешествиям, Всеволод... Смотри, какой джигит! Я бы и сам верхом поездил, да знаете, после прошлогодней операции нельзя. Сегодня мы и о лошадях позаботились, в конезаводе мне обещали.

Лошадей действительно привели. Статных, откормленных и, главное, хорошо выезженных, уже под седлами. Всеволод Вячеславович неожиданно легко, без всяких усилий, очутился на коне. И так весело, даже лихо, глядели сквозь очки его узкие, чуть-чуть раскосые глаза, глаза сибирского казака, иртышанина Бен-Али-бия.

С того дня на неделю сам собой установился такой порядок: вставали в один и тот же ранний час, на поздней уже заре, гуляли вдоль озера; после завтрака Всеволод и Темиркул уезжали. Ауэзов, пользуясь одиночеством, продолжал диктовать «Племя младое». Диктовал он на веранде, потому что его рабочая комната стала спальней для гостей. Диктовал, мягко жестикулируя в ритм плавным периодам романа, диктовал, временами полузакрыв глаза, словно стараясь вглядеться в лица своих друзей; диктовал, порою приподнимаясь, и, как в своем кабинете в Алма-Ате, делал три-четыре шага назад и снова погружался в кресло.

Во второй половине дня обычно приезжали Всеволод и Темиркул.

И всякий раз Мухтар Омарханович радовался их возвращению. Он любил Всеволода Иванова не только за то, что в городе на Иртыше еще до 1917 года пересекалась их молодость, и не только за то, что Всеволод ему нравился, как художник, и не только потому, что Всеволод первый из друзей сказал вслух, на всю страну, доброе теплое слово о его «Абае» и что ныне в Южном Казахстане вновь неожиданно пересеклись их пути. Отяжелевший, грузноватый, как и он сам теперь, Всеволод притягивал к себе добротой, нежной насмешливостью, умением понимать самое сокровенное.

Всеволод Вячеславович возвращался из поездок чаще просветленным и даже благостным, реже грустным и почти всегда несколько усталым. Кожа его широкого лица смуглела и чуть шелушилась на носу, впитывая горное солнце. Амплитуда его впечатлений отличалась редкостным размахом: он способен был любоваться тенистыми карагачевыми аллеями, и одиноким кустом облепихи, лекарственными плантациями и абрикосовыми садами, его приводила в восторг первозданная тишина ущелий и новый шумный клуб в колхозном аиле, нарядный и просторный клуб, который, конечно же, называют Дворцом культуры.

Однажды Темиркул, именно Темиркул, а не сам Всеволод Вячеславович, рассказал Мухтару, как внимательно и с каким бережным уважением осматривает его московский гость мазары и надгробные киргизские памятники. Он долго стоял у одного могильника. Рядом в камнях булькал ручей. Всеволод омыл руки в родниковой воде, разорвал свой белый носовой платок на узкие полоски и одну из них привязал на ветку дерева, увешанного десятками таких лоскутков и ленточек.

Когда вскоре на веранде Ауэзовых зашел разговор о религиозных обычаях в Средней Азии, об исламе и буддизме, о древних несторианцах, историю которых отлично знал Всеволод Вячеславович, Мухтар Омарханович полушутя спросил:

— А ты какого вероисповедания придерживаешься, Всеволод? Между прочим, в Москве у меня как-то спрашивали, не состоишь ли ты в родстве с казахами. Так вот, заметь: казахи очень плохие мусульмане. Но ты скорее всего шаманист. Священным деревьям поклоняешься, ленточки оставляешь.

— Значит, Темиркул уже успел насплетничать. Ай-ай-ай, нехорошо, Темиркул. Я тоже могу сказать, на кого ты заглядываешься.— И продолжил очень серьезно: — Являюсь вполне сознательным атеистом. А могилы чту, ибо чту жизнь. В жизнь влюблен и жизни поклоняюсь. Людям поклоняюсь. Живущим и жившим. Гляжу на могилу и думаю: должно быть, покойник был хорошим человеком, если его так долго помнят. И еще утверждаю, киргизские некрополи замечательны. И древние и нынешние, представьте. Я видел на днях совершенно уникальный памятник. Должно быть, очень недавний. Жаль, запамятовал дату. Все лучшее, что есть на берегах Иссык-Куля, местный живописец изобразил на нем. И само наше голубое озеро, и тюльпаны, и колосья пшеницы, и даже, к моему удивлению, орла. Копию орла с могилы Пржевальского. Только без оливковой ветви в когтях. А венчают памятник рога оленя-бугу. Здесь это уже традиционно. Откуда только рога достают? Видел я и другие удивительные надгробия. Словом, не могу проходить мимо могил. Может быть, уже по возрасту своему... Ты, Мухтар, должен простить мне эту слабость, хотя, признаться, старость не чувствую. И не люблю ее, не люблю. Особенно здесь, у твоего озера, да еще в эту великолепную раннюю осень. А такого прозрачного неба, я, кажется, нигде не видел.

— Я тоже не устаю восхищаться им, Всеволод. Чем выше, тем оно прекраснее. А там, на востоке, недалек и Хан-Тенгри.

— Ты говоришь, конечно, о тянь-шаньской вершине, Мухтар.

— Именно о ней. Но не с точки зрения географа или альпиниста. Понимаешь, Тенгри — это и небо и божество. Это божество неба, если хочешь, «Тенгри» вероятно, древнее тюркское слово. Чокан Валиханов писал, небо — это высочайшее божество в шаманстве. Кок-Тенгри. Синее небо... Потом к нам пришло мусульманство, и место Тенгри занял аллах. Но и его иногда называли Тенгри по старой привычке.

— Однако, Мухтар, в шаманстве есть много занятного. Я уж не говорю о том, что мы с тобой тоже шаманим над словом. Но меня привлекает в нем преклонение перед природой. Культ гор и звезд, культ степи и культ деревьев, культ костра в ночи. А какая поэзия названий! Чолпон-Ата — отец утренней звезды. А Иссык-Куль — Горячее, или, скорее, Теплое озеро. Скажи мне, есть ли свой бог у этих прозрачных вод? Я ничего не наврал?

— Да нет, мой Бен-Али-бий. Но пора идти к берегу. Там нас ждет моторка.

...Так и продолжалось это благословенное лето. Работа и отдых, диктовка романа, записи впечатлений от поездок, встречи, воспоминания и споры, прогулки вдоль берега и стремительные рейды на моторной лодке, когда тебя обдает веселыми брызгами, когда ты во власти скорости и озера. И уже не такие ранние рассветы и не совсем поздние закаты... Наступил август.

Был однажды закатный час, тот час, который Мухтар Омарханович больше всего любил проводить один в своем дворике-садике на легком плетеном диване.

Пылали в солнечных отблесках вершины Кунгея, близкие впадины-ущелья с каждой минутой синели все гуще и гуще, а слева белесая полоска озера сама излучала свет.

Всеволод Вячеславович понаблюдал за Мухтаром Омархановичем и уже направился к калитке, ступая тихо, стараясь пройти незамечен-

ным. Но тут Ауэзов его окликнул, и он подошел к нему, так широко улыбаясь, как это удавалось ему одному.

— Ах, Мухтар, Мухтар, я признаюсь тебе в своем открытии. Ты знаешь, кто ты? Тенгри Теплого озера. Да, да, Тенгри. Божество! Самое что ни на есть реальное, без всякой мистики. И очень духовное. Дух народа в себе воплотившее.

Настал черед улыбнуться и Ауэзову. Он привстал, сделал полшага навстречу.

— И это говорит Бен-Али-бий? Полно, Всеволод, преувеличивать... Если уж быть откровенным, должником я себя чувствую. В зиндан, в подземную тюрьму, как в долговую яму, надо меня отправить. Ох, какой должник я. Так много надо успеть. Ты просто не представляешь.

— Нет, почему же, именно это я себе хорошо представляю. Я ведь тоже, Мухтар, тороплюсь...

— Да...— Мухтар Омарханович покачал головой.— А пока пойдем нашей обычной тропой вдоль берега.

И они пошли сначала на восток, в сторону будущего санатория, где уже была разутюжена земля под строительство, и обратно к дому, к закату, и снова на восток и долго так гуляли, пока не повечерело и на южном берегу не замигали, как звезды, дальние огоньки.

Завтра Всеволоду Иванову предстоял отъезд, а там наступала пора собираться и Ауэзовым.

* * *

Мухтар Омарханович не возвратился на берег Теплого озера.

27 июня 1961 года его не стало. Спустя два года с небольшим умер и Всеволод Иванов.

Недавно я отдыхал на Иссык-Куле. И как в Ялте нельзя не думать о Чехове, так и здесь часто вспоминаешь Ауэзова. И невольно тянешься к его домику в Чолпон-Ате.

Путь к нему с восточной стороны загородили теперь владения большого современного санатория «Голубой Иссык-Куль». Да и с западного края появились новые здравницы, новые здания. Но разве затеряется такой домик, такой прибрежный уголок, разве зарастут дорожки к нему?

С чувством робости и тревоги, с предвкушением радости узнавания и вошли мы во дворик-сад, поднялись по ступенькам, по которым двенадцать лет назад поднимался Мухтар Омарханович. Задержались несколько мгновений у мемориальной доски, всегда вселяющей печаль как маленькое мраморное надгробие, как рубеж между настоящим и прошлым.

В рабочей комнате писателя давно остановились стрелки подаренных часов. Как хотелось бы слушать рабочее их тиканье, видеть на столе в вазе пучок койсары, источающий слабый смолистый запах и похожий, как говорил Мухтар Омарханович, на японские акварели изящным сочетанием алых и серых тонов.

...А бывшего юного браконьера я как-то увидел на экране. Об орнитологе Эрнаре Ауэзове, хранителе заповедных уголков природы, охотнике без ружья, рассказывал телевизионный фильм «Чайка реликтовая». Я смотрел этот фильм, видел молодого, но уже зрелого, привычного к экспедиционной робинзонаде человека с дотемна загоревшим лицом и пытливыми беспокойными глазами, невольно заставлявшими вспоминать его отца. Я видел на экране неправдоподобно яркой синевы озеро Алаколь и вспоминал Иссык-Куль, многоцветный, добрый, теплый, вспоминал иссык-кульских чаек, высматривающих по утрам, особенно в штиль, рыбу, вскрикивающих на лету пронзительно, резко и с лихой жадностью ныряющих за добычей в прозрачную воду.

И вдруг я почувствовал простор Иссык-Куля, морской простор, которого нисколько не стесняют горы, почувствовал этот простор солнечный, синий, синхронно-ритмичный воспоминаниям о Мухтаре и мыслям о будущем. Я его почувствовал особенно внятно еще и потому, что ясно представил, как по глади озера, ближе к югу, к Терскею, шел белый-белый пароход, уже проникновенно описанный одним из самых талантливых и признательных учеников Ауэзова.

ЦИМЛЯНСКОЕ, ИГРИСТОЕ...

Михаил АНДРИАСОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Сок этой земли, именуемый «Цимлянским игристым», известен всему миру: слава донской Цимлы поднялась вровень с французской Шампанью. Мы как-то не задумывались над этим, а ведь еще сто сорок семь лет назад родились пушкинские строки:

> «...Да вот в бутылке засмоленой,
> Между жарким и блан-манже,
> Цимлянское несут уже...»

Летом семьдесят первого года на берега Цимлянского моря приехали гости из Федеративной Республики Германии. С давних времен на Рейне знают о плодородных донских казачьих землях. Не первый год торговая фирма из ФРГ «Симекс» покупает «Цимлянское игристое». Прямо со двора Цимлянского завода игристых вин авторефрижераторы регулярно везут десятки тысяч бутылок через тысячи километров русской, украинской и польской земли в западногерманский город Хельмштедт...

Цимлянское покупают не только немцы. Экспортируется оно и в Австрию, Францию, Италию, Финляндию, Турцию и даже в далекую Бразилию. Но так уж сложились торговые контакты, что наиболее крупным зарубежным заказчиком у цимлянцев стала фирма «Симекс».

И вот владелица этой фирмы госпожа Вильма Савельсберг на казачьей земле, в городе Цимлянске.

— Я с большой охотой ехала сюда,— рассказывала Вильма Савельсберг.— Тихий Дон — такой романтический край, о котором знают во многих странах. Когда легенды перемежаются с правдой — это всегда интересно. О донских казаках, мужественных, волевых людях, я слышала еще в школьные годы. А теперь вот своими глазами вижу их землю. И впечатления у меня самые лучшие.

— Мы тоже рады видеть вас на нашей земле, госпожа Савельсберг, — отвечал директор Цимлянского завода Александр Макарович Бабенко.— Как показали минувшие годы, ваша фирма— надежный торговый партнер.

— А если еще учесть,—добавил главный инженер завода, опытный винодел Георгий Корнеевич Калустов, — что ваш рейнский виноград «Рислинг» очень хорошо прижился на донской земле, занимает у нас большие площади, дает отличное сухое марочное вино и прекрасные виноматериалы для советского шампанского, то, как видите, сама природа закрепляет наши деловые отношения.

— Спасибо за добрые слова,— поблагодарила гостья.— Однако должна признаться, что главным «виновником» моего приезда на Дон является ваше неповторимое «Цимлянское игристое». Удивительный напиток. И самое загадочное заключается в том, что только ваша цимлянская земля дает это прекрасное вино. Наш рейнский виноград, идущий на «Рислинг», неприхотлив, он успешно выдерживает даже русские морозы. А ваши сорта винограда, из которого приготовляют «Цимлянское игристое», насколько я осведомлена, знают только одну землю — донскую, а еще точнее — цимлянскую.

— Да, это так, — подтвердил Калустов.— «Цимлянское игристое» рождается из двух сортов винограда: «Цимлянского черного» и «Плечистика». Они выращиваются здесь. Именно цимлянская земля дает «Плечистику» и «Цимлянскому черному» какие-то неповторимые, чудодейственные соки. Может быть, секрет в том, что здесь самые продолжительные солнечные дни. В сочетании с особенностями нашей земли это и порождает неповторимый тонус «Цимлянского игристого». Ведь лозы этих сортов вывозились в Крым, Армению, Грузию, в другие виноградарские районы страны, но там они не давали «Цимлянского игристого». Это было иное вино. Искрометное «Цимлянское» рождается только на цимлянских виноградниках. Возможно, в последние годы этому содействует и Цимлянское море,— делился своими предположениями главный инженер,— настоящее море, построенное руками человека, вот это самое, что голубеет перед вами...

Госпоже Савельсберг понравились и море, и безбрежные виноградные плантации на его живописных, поистине поэтических берегах, и цимлянские сады, и поля пшеницы, и небольшая комфортабельная гостиница.

— Кому принадлежит этот отель? — спросила она.

— Нашему заводу,— ответил Александр Макарович и пояснил: — Год назад у нас создан аграрно-промышленный комплекс, куда вошли Цимлянский винсовхоз и наш завод. Все, что вы видите здесь, — принадлежит заводу и совхозу.

— А завод и совхоз?

— Государству. А государство наше, как вы знаете,— народ.

В дегустационном зале гостью с берегов Рейна угостили новой продукцией — «Цимлянским игристым», приготовленным, как обозначено на этикетке, «старым казачьим способом».

— Очень вкусное, оригинальное вино,— с явным удовольствием отметила Вильма Савельсберг.

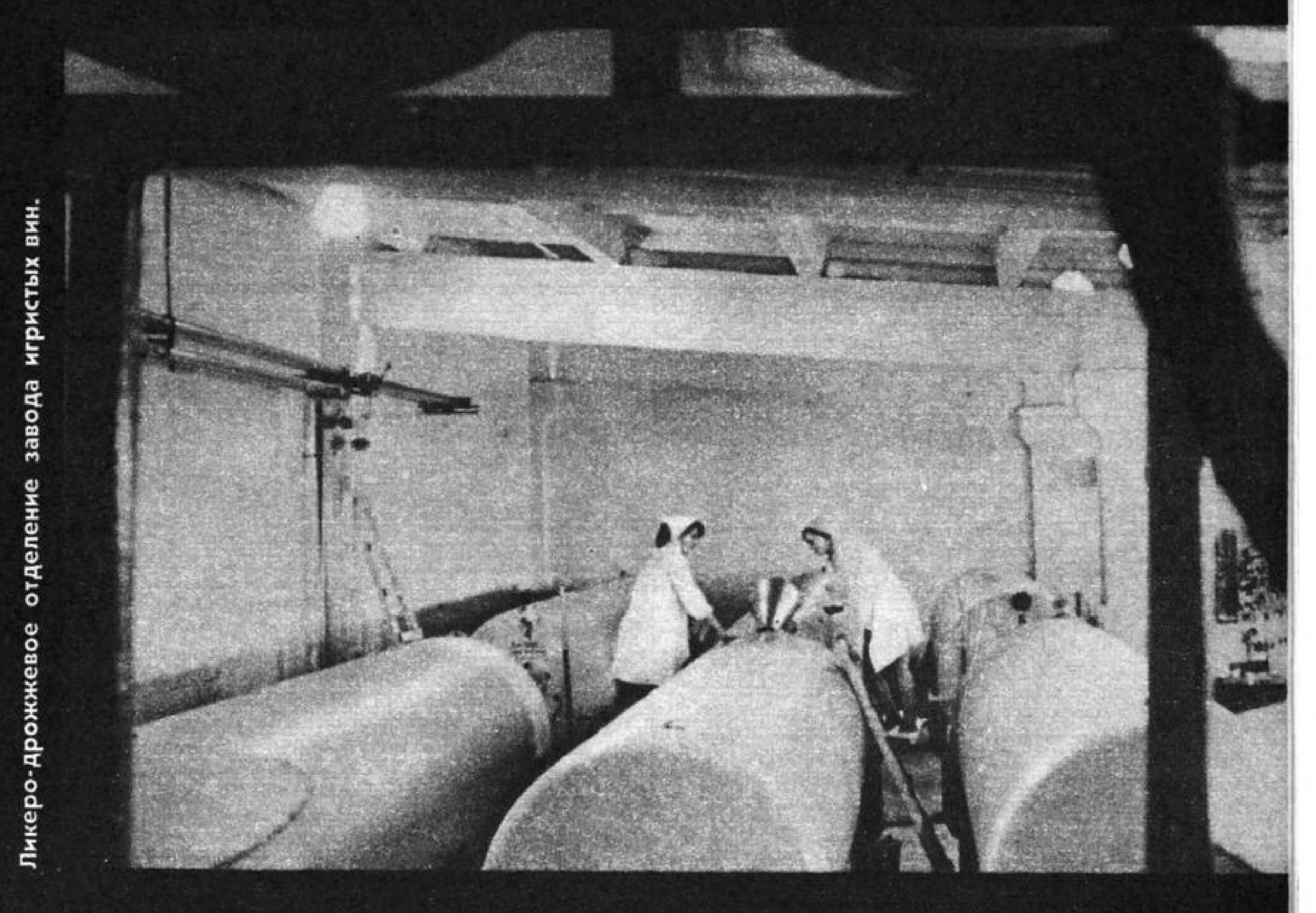
— Тут необходимо одно уточнение,— пояснил заместитель директора Николай Минович Макагон.— Для нашего завода вино с таким «подзаголовком» — новинка, но на Дону оно изготовлялось еще в минувшие века.

— Чудесное вино,— снова подтвердила владелица фирмы «Симекс».— Вообще хочу, господа, сказать вам, что наши покупатели высоко ценят ваше неповторимое игристое. Оно пользуется у нас большим спросом... Скажите, пожалуйста, что означают слова: «старым казачьим способом»?

— Об этом стоит рассказать,— продолжил беседу Калустов. — Первоисточник легенды, так сказать, преданья старины глубокой... Еще живут в донских станицах казаки, помнящие, как изготовлялось игристое в домах. Эти люди и помогли нам: рассказали, что ранней весной, обычно в марте, казаки разливали в бутылки недобродившее вино, приготовленное еще минувшей осенью. Бутылки закупоривались корковой пробкой, закреплялись проволокой и засмаливались. Бутылки сносили в погреб, укладывали на песке. С потеплением песок постепенно нагревался, и вино принималось бродить, насыщалось углекислотой. Бутылки начинали рваться. Те, что уцелели, ставили вертикально. Пробка подсыхала, через ее поры избыток углекислоты выходил в воздух. Бутылки снова клали на бок. Это повторялось до тех пор, пока не угасал процесс брожения. Игристое осветлялось и уже было пригодно к употреблению. Донские казаки продавали его в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, за границей. Оно всюду пользовалось успехом. Мы решили возродить старый казачий способ, разумеется, усовершенствовав технологию. В принципе остался метод бутылочной шампанизации в отличие от современного резервуарного. И вот уже шестой год возрожденное вино снова искрится в бокалах.

Идет опрыскивание виноградника.

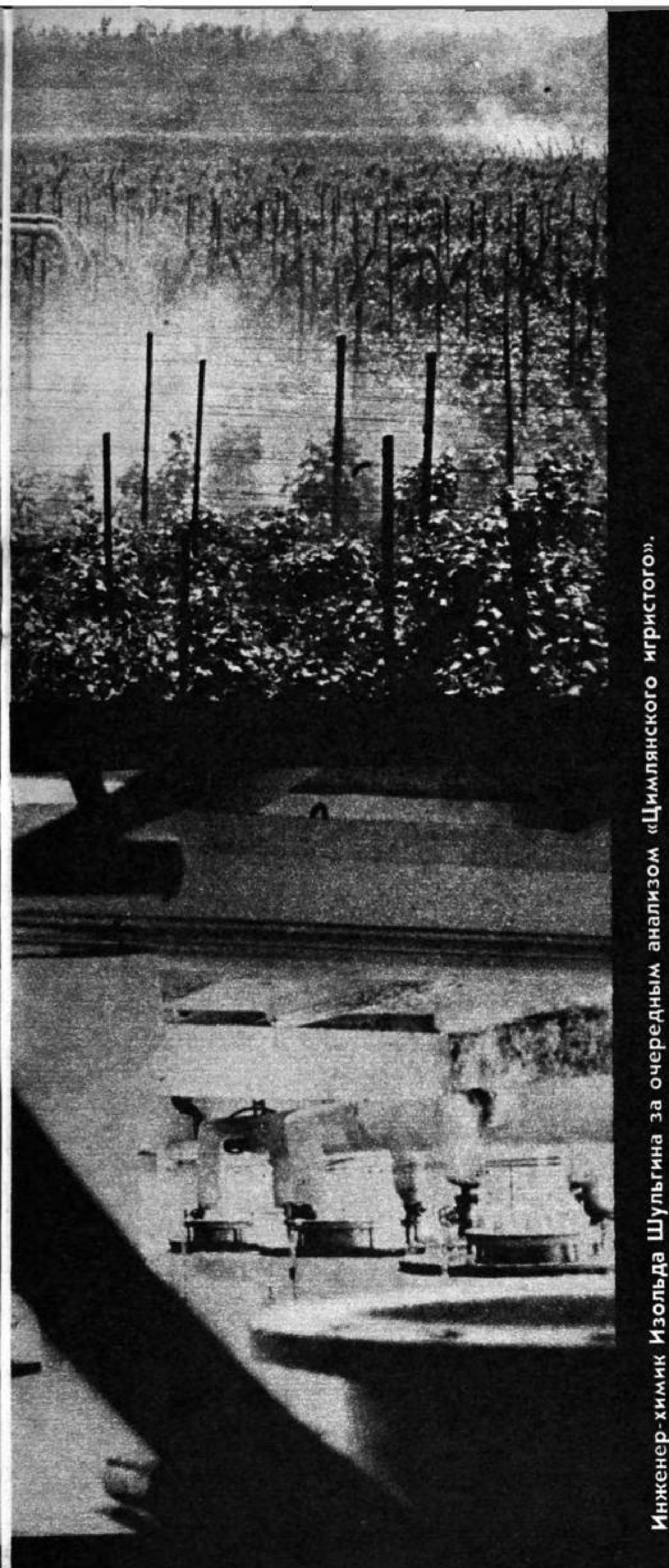

Ликеро-дрожжевое отделение завода игристых вин.

— Личные контакты всегда укрепляют деловые отношения,— дружески прощаясь с цимлянцами, сказала Вильма Савельсберг. Спустя некоторое время в город Хельмштедт из Ростова отправилась заведующая центральной лабораторией совхозно - производственного объединения «Донвино», винодел Галина Георгиевна Филимонова. Она познакомилась с виноделием на Рейне, с технологией приготовления рейнских вин и была любезно принята Вильмой Савельсберг.

Налаживались торговые контакты. Фирма «Симекс» пожелала принять участие в оформлении бутылок с цимлянским. Из ФРГ стали регулярно присылать красочные этикетки и кольеретки с русским и немецким текстами. Прежде Цимлянский завод пользовался пробкой австрийской фирмы «Шиссер». Теперь пробки специально для игристого поставляет фирма «Симекс». Не так давно госпожа Савельсберг снова приехала в Советский Союз. В Москве, в «Союзплодоимпорте», был заключен новый договор о поставке «Цимлянского игристого» в ФРГ. В переговорах принимали участие руководители завода — Бабенко и Калустов.

За десять лет своей жизни молодой завод, единственный в мире завод, выпускающий «Цимлянское игристое», принял участие во многих международных конкурсах — в Москве, Париже, Брюсселе, Измире, Рио-де-Жанейро — и был удостоен

Инженер-химик Изольда Шульгина за очередным анализом «Цимлянского игристого».

двадцати двух золотых и серебряных медалей.

Романтична история донского виноградарства. Утверждают, что первые виноградные плантации на Дону заложил сам Петр I, что он посадил виноградный куст на земле цимлянского казака Кандаурова в 1696 году, когда вел свой флот на взятие Азова.

Донскому виноградарству около трех веков, однако истинный его расцвет начался после Великой Отечественной войны. На левобережье Дона под виноградниками ныне находятся огромные площади. Ими владеют тридцать два винсовхоза. На Дону много энтузиастов этой древней культуры. Среди них — известный советский виноградарь, заслуженный агроном РСФСР Николай Константинович Соболев, награжденный тремя орденами Ленина.

Не зря теперь донские виноградники все чаще называют «соболевской гроздью». Ростовская киностудия выпустила документальный фильм о жизни Николая Константиновича. По инициативе этого человека на живописных берегах Дона и его притоках густо зазеленели бескрайние массивы виноградных плантаций.

...Когда строились канал Волга — Дон и Цимлянский гидроузел, старая трехсотлетняя станица Цимлянская осталась на дне рукотворного моря, передав ему свое имя. А на морском берегу вырос Цимлянск — город энергетиков, виноделов, рыбаков, химиков, ткачей, да, и ткачей — мы видели добротные, красивые цимлянские ковры...

Щедрыми дарами прославлен юный город на юном море. И все же мировую славу ему несет знаменитое «Цимлянское». Недаром же влюбленный в этот божественный напиток Александр Сергеевич Пушкин вдохновенно воскликнул:

«Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих».

Город Цимлянск,
Ростовская область.

У ФИНСКИХ ДРУЗЕЙ

Николай ПАСТУХОВ

Фото автора.

ПЕРЕВОДЧИЦА АЙНО

Айно Снельман была моим гидом-переводчиком. Но это не ее профессия. В свободное время вот уже несколько лет она изучает русский язык на курсах общества «Финляндия—Советский Союз». Так этой двадцатидвухлетней девушке представилась возможность пройти своеобразную практику.

Стремление мыслить широко, самостоятельно постоянно толкало Айно в беседах со мной к высказыванию таких понятий, которые не всегда соответствовали ее словарному запасу русских слов. В такие моменты, лукаво улыбаясь, она спрашивала: «Ну ведь вы понимаете? Да? Понимаете?» Я утвердительно кивал головой, и это вызывало у нее бурный восторг.

Как-то мы совершали прогулку по Хельсинки. Пересекли улицу Александерникету — центр торговой жизни столицы, прошли мимо Александровской площади, где высится величественный лютеранский кафедральный собор с широкой каменной лестницей, и попали на Обсерваторную площадь. Отсюда открывалась широкая панорама Хельсинки. От площади расходились вправо и влево улицы, то поднимающиеся вверх, то спускающиеся вниз, застроенные аккуратными, чистенькими домами. А прямо виднелась серебряная гладь Финского залива с его бесконечными портовыми причалами, где стояли корабли из разных стран мира. Внимание на Обсерваторной площади привлекала к себе выразительная скульптурная группа, посвященная тем, кто терпит в море кораблекрушение. На небольшом участке палубы тонущего корабля — семья из четырех человек. Неистовая волна сбрасывает на палубу мать и дочь, устоял на ногах лишь отец. Волевой, полный решимости победить стихию, он стоит по пояс в воде и высоко над головой держит крохотного сынишку...

— Вам нравится этот памятник?— спросила Айно.

— Да.

— Мне он особенно близок. Мои родители живут в полярной Лапландии. Там люди вечно борются со стихией. Еще будучи ребенком, я слышала рассказы старших о моем прадедушке, который попал в кораблекрушение и каким-то чудом добрался до берега.

— Айно, а как вы попали в Хельсинки?

— Решила стать врачом. Поступила на медицинский факультет.

— Вы здесь живете одна?

— Да.

— Вам помогают родители?

— Немного. Работаю через сутки ночной медсестрой в госпитале.

— Но ведь вы, как я слышал, активистка демократического движения молодежи, участвуете в движении сторонников мира, учитесь в институте, на курсах русского языка, и, наконец, ночная работа. Как же вам на все это хватает времени?

Айно улыбнулась и всем своим видом дала понять, что оставляет мой вопрос без внимания. Но я повторил его еще раз, полагая, что она не уловила смысла. Немного подумав, Айно призналась в том, что просто не хотела отвечать: слишком многое надо сказать, а хватит ли для этого знания русского языка? Затем, извинившись за возможные ошибки, она начала страстно, с какой-то неподдельной убежденностью излагать взгляды на свою жизнь и ту роль, которую она должна играть в обществе. Из ее слов я понял, какую огромную силу эта девушка унаследовала от своих предков, боровшихся с стихией и суровой природой. Я наконец понял, что новые поколения Суоми не желают сидеть сложа руки и полны решимости добиться в своей стране социального прогресса, бороться за мир и дружбу между народами с позиций подлинного пролетарского интернационализма.

— Русский же язык,— сказала в заключение Айно,— я учу потому, что это язык страны, без дружбы с которой моя родина не придет к полному прогрессу. Ведь я хочу быть хорошим медиком, а это сегодня невозможно без знания русского языка. Мои друзья из других институтов тоже учат русский язык.

Думая сейчас об Айно, о молодежи Финляндии, невольно хочется вспомнить слова, сказанные Максимом Горьким об этой стране: «Казалось бы, что на этой бедной земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека и не победит воля его сопротивления природе, скупой дарами. Но человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное. Его мощная воля огранила бедную каменную землю, и в короне, которой украшена наша планета, Суоми одна из лучших драгоценностей».

«ЛАДА» ПОКОРИЛА ВСЕХ...

Нынешнее лето в Хельсинки выдалось ласково-теплым. Столица Финляндии и особенно ее живописные пригороды окутаны белым и фиолетовым дымом цветущей сирени. У причалов грузятся и разгружаются торговые суда, а Хельсинки был наполнен пафосом подготовки к общеевропейскому совещанию.

Интенсивно в эти летние дни живет и вся страна. Недалеко от города Ловиса на берегу Финского залива вознеслась ввысь 57-метровая железобетонная башня первой атомной электростанции на 440 тысяч киловатт. Она строится Советским Союзом по заказу Финляндии. А рядом уже заложен фундамент под второй реактор. Первая атомная электростанция даст ток в 1976 году, а вторая — в 1978 году. На полную нагрузку работает Сайменский канал, открывший широкие шлюзы советско-финляндской торговле. И вот теперь канал пересек газопровод, по которому уже в 1974 году советский газ пойдет в Финляндию.

На шоссейных дорогах Финляндии, в городах и селах можно увидеть много советских автомашин: «Волга», «Москвич», «Лада» (родная сестра «Жигулей»). Я спросил у Айно, не знает ли она, сколько ежегодно Финляндия покупает советских автомашин.

— Посетите советско-финское акционерное общество «Конела». Там все узнаете.

Так я и поступил. Меня принял генеральный директор акционерного общества товарищ Ядродский Феликс Федорович, человек деловой, у которого расписана каждая минута. Четко и лаконично он рассказал о «Конеле», снабдил всеми необходимыми данными и справками и посоветовал посетить автопарк и мастерские акционерного общества, совершить на «Ладе» поездку по Хельсинки.

— Все это вам поможет рассказать читателям «Огонька» о советском автомобиле в Финляндии,— сказал он на прощание.

Когда я выходил из кабинета Яродского, в коридоре стояли нетерпеливые посетители — бизнес-

В солнечные дни детвора высыпает на улицы.

Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Мирьям Вире-Туоминен встречает в порту советский корабль «Михаил Калинин».

Советские сторонники мира сходят с корабля на причал.

Хельсинкский рабочий. Он мечтает побывать в Ленинграде.

Монумент мира и советско-финской дружбы.

В Финляндии тоже живут цыгане.

VR
SUOM

мены и коммерсанты. Им надо срочно закупить автомашины «Лада», снискавшие в Финляндии добрую славу.

За четверть века своей деятельности акционерное общество «Конела» из небольшого авторемонтного предприятия превратилось в одно из крупнейших импортеров автотракторной техники в Финляндию. Начав работу в 1947 году в небольшой хельсинкской мастерской, общество стало существенно пополнять автомобильный парк Финляндии, заметно поредевший после второй мировой войны. Сложная валютная обстановка в стране не давала возможности в то время прибегнуть к свободному импорту автомобилей. Однако развитие торговли с Советским Союзом на взаимовыгодной основе позволило преодолеть важнейшие преграды и начать импорт советских автомобилей.

Поначалу деятельность «Конелы» была достаточно скромной: в 1949—1952 годах в Финляндии было продано только 1 225 советских автомобилей. К 1972 году эта цифра достигла 110 тысяч. Сейчас «Конела» разместилась в ультрасовременном здании, располагает мастерскими, парками больших площадей и оборудованными всеми необходимыми техническими и электронными средствами.

При обострившейся конкуренции на финском автомобильном рынке неуклонное развитие акционерного общества «Конела» явилось доказательством надежности, экономичности и пригодности импортируемых обществом автомобилей как раз для финских условий. Импорт советских автомобилей в Финляндии по объему растет, одновременно увеличивается их доля на финском рынке. Хотя сейчас пока впереди по сбыту автомобилей идут такие страны, как ФРГ, Англия и Япония, СССР все более сокращает с ними разрыв. А если сравнить показатели Советского Союза с французскими, итальянскими и американскими, то общая картина выглядит следующим образом: в январе — апреле 1972 года СССР продал Финляндии 3 586 автомобилей, Франция—3 015, Италия—2 554, США—147. За тот же период 1973 года эти цифры уже выглядят так: СССР — 4 578, Франция — 3 052, Италия — 2 364, США — 161.

Увеличение доли советских автомобилей в Финляндии стало возможным с выпуском «Лады». Уже с появлением на финском рынке в сентябре 1971 года автомобиль приобрел большую популярность, в октябре он занял третье место в статистике продажи, в ноябре — второе, а уже с декабря вышел на первое место. В течение 1972 года «Лада» окончательно достигла положения любимца финнов. За один год (с сентября 1971 года по август 1972 года) в Финляндии было продано 6 182 автомобиля «Лада».

ТАМПЕРЕ ВЕРЕН ТРАДИЦИЯМ

Из Хельсинки мой путь лежал в Тампере, второй по величине и значению город Финляндии. Здесь состоялась ежегодная конференция организации «Сторонники мира Финляндии». Она возникла в 1949 году. В нее вступили в качестве коллективных членов Демократический Союз народа Финляндии, Союз мелких земледельцев, ряд отраслевых профсоюзов, некоторые кооперативные объединения, спортивные общества и многие граждане. Ныне «Сторонники мира Финляндии» — самая массовая организация в защиту мира. В ее деятельности принимают активное участие видные общественные деятели страны, депутаты парламента, а также рабочие и крестьяне. В 1966 году Генеральному секретарю этой организации Мирьям Вире-Туоминен была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Организация «Сторонники мира Финляндии» имеет Центральное правление, избираемое ежегодной конференцией, 16 губернских советов мира и местные комитеты защиты мира. Финские сторонники мира проводили в стране общенациональные «Дни мира», «Дни разоружения», марши мира, а в 1963 году по их инициативе состоялась дискуссия о значении мирного сосуществования, получившая широкий международный резонанс. Участники дискуссии обратились ко всем народам мира с призывом к активной борьбе за торжество принципов мирного сосуществования.

Сторонники мира Финляндии, а также видные общественные и политические деятели страны приняли активное участие в проведении Всемирного конгресса за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение, который состоялся в Хельсинки в 1965 году. Правительство Финляндии выступило на конгрессе с предложением соорудить в Хельсинки монумент советско-финской дружбы. Через три года состоялось торжественное открытие этого монумента, которое совпало с празднованием двадцатилетия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом.

На набережной Финского залива я видел этот монумент — как бы парящая в воздухе молодая женщина, которая олицетворяет мир и счастье на земле. Тихо, убаюкивающе вблизи статуи плещутся волны, снуют над морем чайки, а в садике, который ее окружает, играют дети, сидят на лавочках туристы, моряки из дальних стран. Щелкают фотоаппараты. На пьедестале в черном мраморе выбиты по-фински и по-русски слова: «Этот монумент мира воздвигнут 6.IV.1968 г. народом Финляндии как символ мирного сосуществования и дружбы между Финляндией и СССР».

...Рано утром два автобуса с членами хельсинкской делегации борцов за мир и зарубежными гостями отъехали от Вокзальной площади и взяли курс на Тампере. Уже в автобусе начался оживленный обмен мнениями, обсуждение международных событий и особенно таких, как исторические визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в ФРГ и США. В этой беседе ни у кого не было двух мнений. Все единодушно сходились, что на планете создается новый, здоровый политический климат, дух сотрудничества и утверждения принципов мирного сосуществования между государствами иных социальных систем.

В автобусе рядом со мной сидел секретарь организации «Сторонники мира Финляндии» Сэппо Канерва.

— Вам удалось побеседовать со многими финнами? — спросил он.

— Да. Это были люди разных возрастов и разных классов.

— Интересно, что они вам говорили об отношениях между нашими странами?

— Самые добрые слова. И особенно подчеркивали историческую роль Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой Финляндия получила независимость.

— Вот это я и хотел услышать.

Сэппо Канерва взял портфель, вынул какую-то книгу, полистал ее и, время от времени поглядывая на открытую страницу, продолжал:

— В январе 1959 года Смольный посетил Президент Финляндской Республики Урхо К. Кекконен. У входа в комнату В. И. Ленина он установил мемориальную доску. Надпись на ней гласит: «Владимир Ильич Ленин подписал 31 декабря 1917 года в этом помещении постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР о признании государственной независимости Финляндии. Этим благородным актом он заслужил нераздельную благодарность финского народа».

Далее Сэппо Канерва сказал:

— Обо всем этом я начал рассказывать потому, что хочу подчеркнуть: наши страны были пионерами, утверждавшими принципы мирного сосуществования в международных отношениях. Именно это позволило нам стать добрыми друзьями и союзниками в борьбе за мир.

...Я смотрел в окно автобуса. Мелькали сочно-зеленые ели и сосны; деревушки, застроенные стандартными домиками с белыми ободами вокруг окон; аккуратно засаженные поля. В каждой мелочи чувствовался огромный труд и любовь финнов к окружающей их природе. И вот наконец Тампере.

Город расположился на лесистом перешейке между озерами Нясиярви и Пюхяярви, по обе стороны знаменитого водопада Таммеркоски. Это город, где рабочие составляют подавляющую часть населения. Финские коммунисты называют его Красным Тампере. Ему было суждено стать колыбелью рабочего и профсоюзного движения Финляндии. Здесь в 1887 году возникли первые рабочие объединения, а в 1905—1906 годах проходили конференции РСДРП. Рабочие Тампере неоднократно предоставляли убежище русским революционерам. В память о пролетарской солидарности и дружбе рабочих Финляндии и России в помещении местного Рабочего дома по инициативе общества «Финляндия — Советский Союз» был открыт Музей В. И. Ленина — первый ленинский музей на Западе. У входа в музей на финском и русском языках надпись: «В. И. Ленин выразил в этом здании, на состоявшихся в 1905—1906 годах исторических конференциях, свое сочувствие воле нашего народа к независимости».

В Финляндии большую популярность приобрело движение установления братских связей с городами Советского Союза. Так, Хельсинки стал побратимом Москвы, а Тампере — Киева. Здесь нет почти ни одного города, который не имел бы своего советского побратима. У Турку — Ленинград, у Оулу — Одесса, у Пори — Рига, у Каяни — Ростов. Около пятидесяти городов Финляндии участвуют в этом движении.

В одном из холлов Тампере собираются финские сторонники мира. Конференция открывается гимном борцов за мир, который исполняют юноши и девушки в синих комбинезонах. Подавляющее большинство участников конференции — молодежь.

Со вступительным словом к собравшимся в зале обращается известный финский писатель Пааво Ринтала. Он говорит о том, что конференция проходит в ответственный момент истории Европы.

— То, чего мы добились сегодня, каких-то десять лет назад было недосягаемой мечтой,— сказал П. Ринтала.

Участников конференции приветствуют зарубежные гости. На трибуну поднимается ветеран финского и Всемирного движения сторонников мира Мирьям Вире-Туоминен.

— Крупнейшим событием общественной жизни планеты,— говорит Мирьям Вире-Туоминен,— явится предстоящий Конгресс миролюбивых сил в Москве. В нем примут участие представители самых различных политических и общественных организаций из 120—130 стран. Успех этого конгресса будет добрым подарком 25-летию Всемирного движения сторонников мира, которое мы будем отмечать в будущем году.

Конференция в Тампере вновь избрала председателем организации «Сторонники мира Финляндии» писателя Пааво Ринтала и генеральным секретарем — бессменно находящуюся на этом посту Мирьям Вире-Туоминен.

* * *

Поздняя ночь встретила нас в Хельсинки, когда мы вернулись из Тампере. Но в городе было светло как днем. Не случайно этот красивый, гостеприимный город называют «Белой столицей Севера».

Через несколько дней я снова увидел финских сторонников мира у причала Хельсинкского порта. В руках у них были букеты тюльпанов, гвоздик, сирени. Состоялась встреча советского лайнера «Михаил Калинин», заканчивавшего рейс мира по странам Балтийского моря. Корабль побывал в Копенгагене, Осло, Стокгольме, Гамбурге. Его пассажиры — сторонники мира СССР, ГДР и Польши участвовали по пути следования в десятках массовых митингов и собраний, проводившихся в поддержку Конгресса миролюбивых сил. После двухдневного пребывания в Хельсинки «Михаил Калинин» взял курс на Ленинград...

— Что прислать вам на память из Москвы? — спросил я у Айно.

— Брошюры и газетные статьи о Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине, новые книги по терапии и черный фартук, какие у вас носят школьницы.

— А зачем вам фартук? — в недоумении спросил я.

— Мне он очень нравится. Поверьте, когда я его здесь начну носить, модницы лопнут от зависти...

Доброе знакомство состоялось у меня с Суоми, ее замечательными людьми, нашими верными друзьями.

Хельсинки — Москва.

В северной стране очень любят цветы.

«Лада» покорила всех.

Абдель Рахман эль ШАРКАВИ,
египетский писатель

РАССКАЗ

Рисунок Аркадия **АЛЕКСАНДРОВА**

СКОРПИОН

«Ну, Хасан,— сказал он себе,— теперь-то совсем не на что жить. Остается лишь стать ловцом скорпионов. Работа опасная, зато прибыльная! По пиастру за голову. Десять скорпионов — и бушель кукурузы. Поймаешь десять скорпионов, а за это — целая корзинка жареных лепешек. Говорят, в Верхнем Египте воткнешь палку в ил и вытаскиваешь ее, усеянную скорпионами. В Булаке рассказывали, что жители Верхнего Египта вообще не боятся скорпионов. Чего же их бояться здесь? Тебе заработать десять пиастров, что почесать в затылке. Хотя... У нас о таких заработках что-то и не слыхивали».

Хасан поднял голову, потерся спиной об угол ночлежного дома, возле которого сидел с рассвета. Пальцы ног его утопали в теплой пыли, глаза прикованы к мечети.

Появился шейх, увидел Хасана и презрительно отвернулся.

— Ваше преподобие! Вы даже не смотрите на меня, хоть бы поздоровались, вам мало, что выгнали меня с работы?

Святой отец задержался у входа, снимая ботинки. Пробормотав несколько строф из корана, он сунул ботинки под мышку, прочистил горло и зло бросил:

— Сиди тут, как калека, сколько влезет, о, сын Зейнаб! Пади ниц пред мечетью, осуди себя пред лицом ослепительного солнца!

Хасан процедил:

— Не трогал бы ты Зейнаб! Бог уже прибрал ее. Ради нее я хотел пойти в армию, мы бы хоть были сыты, но мне ответили, что я единственная опора матери, и не взяли. Во второй раз, когда ее уже не стало, меня признали негодным.

Шейх обернулся:

— Что ты там бормочешь, бездельник! Ты же навлек на себя гнев господен! Великий и всемогущий аллах во гневе своем ниспослал на грешников скорпионов, так этот сын греха решил их истреблять! Ты впал в такую ересь, что даже не помышляешь о молитве, когда я направляюсь в мечеть!

— Клянусь аллахом, не буду молиться!— Страх и злость слышны были в голосе Хасана.— Что мне дала мечеть? Заставила бродяжничать по свету да подыхать с голоду. Я вынужден ловить скорпионов. Кто знает, чем все это кончится!

— Восславим пророка, ваше преподобие,— раздался из мечети голос, усиленный резонансом.— Входите и провозгласите полдень, час молитвы приближается!

Шейх вздрогнул, весь подобрался и вошел в мечеть. Он направился к кафедре, возле которой сидел на чистом коврике широкотелый, важный человек в белом тюрбане.

— Все идет по порядку, уважаемый эфенди.— Взор шейха скользнул по правоверным, сидевшим на истрепанных ковриках позади эфенди.— Мир вам, братья! Как поживаете, уважаемый эфенди?

Хозяин соседнего поместья — это к нему обращался шейх — сунул золотые часы в карман и сказал:

— Правительству нынче потребуется яд скорпионов, ведь из-за войны мы перестали ввозить лекарства.— Он взглянул на внимательно слушавших его людей и розовыми жирными пальцами стал перебирать янтарные бусинки четок. Потом неожиданно рассмеялся: — Война превратила даже скорпионов в необыкновенную ценность.

— Война и жизнь человеческую сделала более ценной,— раздался робкий, еле слышный голос из-за его спины. Обернувшись, эфенди увидел согнутую фигуру Хасана и воскликнул:

— Бог ты мой! Что я вижу: Хасан, ты ли это? Пришел помолиться? Ну что ж, ты прав, в войну человек стал цениться дороже. Война дала работу даже таким никчемным людишкам, как ты, да только такие, как ты, никогда не благодарят аллаха. Виданное ли дело, зарабатывать на скорпионах!

Хасан растерялся. Он даже не знал, что ответить, но тут с минарета раздался звучный голос шейха, призывавшего к молитве. Хасан словно очнулся, голос с минарета вернул его к прежним мыслям:

«Хотел бы я знать, сколько скорпионов в округе? Сколько можно было бы на них заработать? Ах, святой шейх... Никто не сделал большего зла для меня, чем этот человек. Разве тому учит ислам? Каждый месяц шейх кладет в карман по два фунта, не говоря уже о пожертвованиях. Я собственными глазами видел, как староста деревни ежемесячно вручал ему два фунта. А что из них доставалось мне? Пять пиастров. Весь божий день носил я воду в мечеть. Полгода у нас льет дождь, полгода — невыносимая сушь. А канал так далеко... О, аллах! Будь на моем месте крепкая лошадь или хороший мул — и они давно бы сдохли от такой работы. И все за пять пиастров в месяц. Я не жаловался и был благодарен аллаху. Но когда цены на хлеб полезли вверх, как безумные, когда цена на бушель кукурузы подскочила до десяти пиастров, что мне оставалось делать? Я хотел, чтобы святой шейх прибавил мне плату, и пошел за помощью к уважаемому старосте, а шейх, узнав об этом, благословясь, выбросил меня вон да еще поклялся на святом коране и близко не подпускать меня к бочке с водой. Умирай с голоду, Хасан!»

После молитвы шейх поспешил к эфенди и увлек его в сторону. Он начал упрашивать помещика использовать свое влияние и упрятать Хасана за решетку. Да, да, Хасан упрям, ленив, не признает ничьих авторитетов. В благодарность за все, что было сделано для этого парня, он, шейх, услышал от него обвинение в краже пожертвований для мечети. Клеветника пришлось выгнать с работы. Наконец Хасан уехал в Каир, но вскоре вернулся, избитый людьми, которых он оскорбил. Вот и его, шейха, поносит он во всех окрестных деревнях. Он стал груб даже с женщинами.

Эфенди насмешливо покосился на идущего следом за ними Хасана и велел ему больше женщин не трогать.

— Женщин? Может, даже целый гарем? — возмутился Хасан.— Да разрази меня гром, если я хоть раз встретился с какой-нибудь женщиной! Женщины! Да для меня было бы даже наградой, если бы я надорвался, таская воду для тетушки Омм эль Эзз. Как приехал из Каира, целыми днями носил для нее воду. Ну и что? Все за здорово живешь! А я надеялся, что она повлияет на его преподобие и он опять возьмет меня на работу, пусть даже за пять пиастров. И я же еще виноват! Спросите тетушку Омм эль Эзз.

Шейх, шокированный этим не очень-то лестным упоминанием о его жене, бросился к Хасану и ударил парня по щеке.

— Да падет проклятие на твою голову! — в ярости завопил он, но тотчас опомнился и заискивающе обернулся к эфенди: — Простите, почтеннейший, я не должен был этого позволять в вашем присутствии.

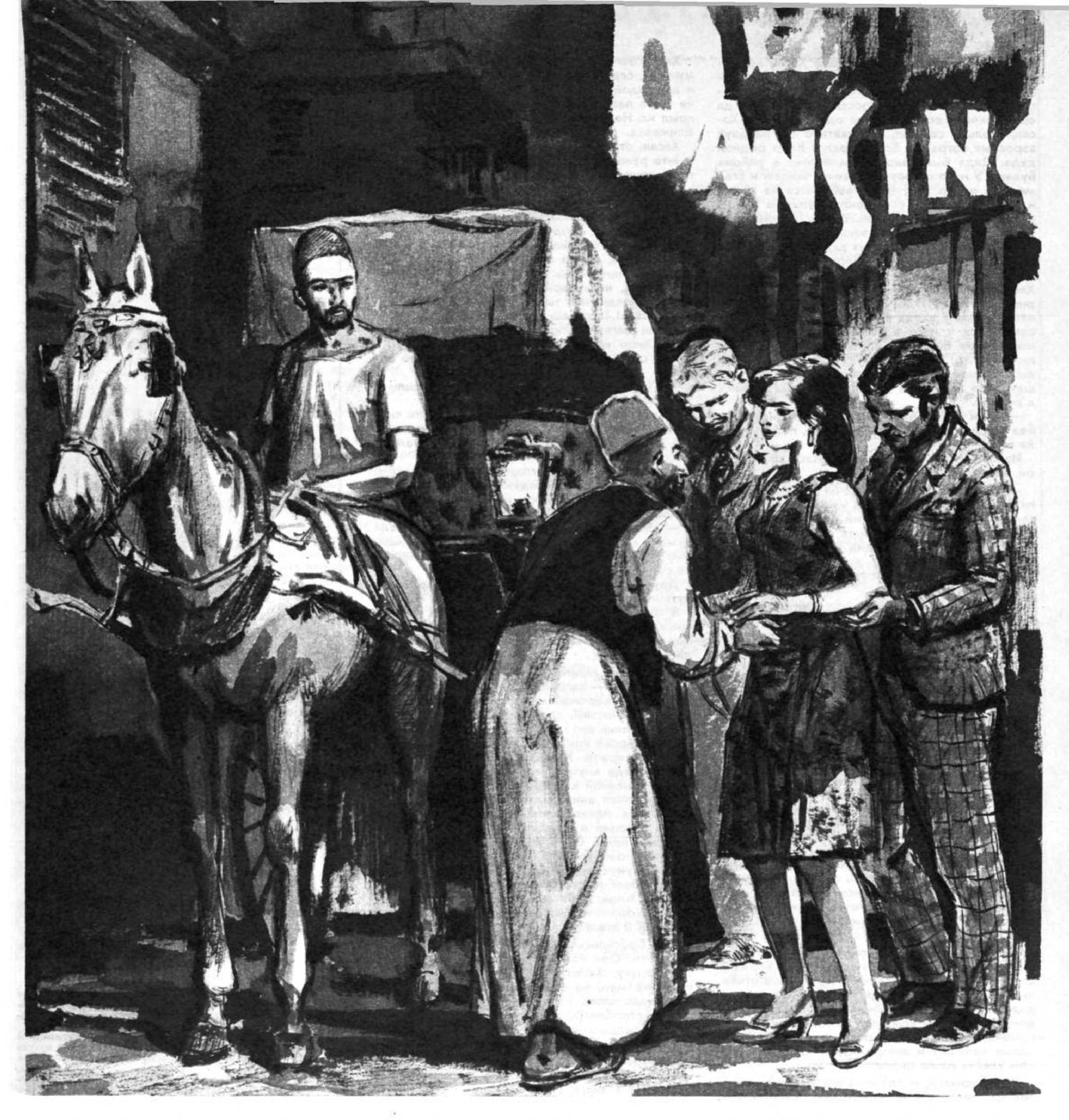
Эфенди как будто ничего не видел, но все же пробормотал, зашнуровывая ботинки:

— Пустяки, не будем об этом...

Шейх бросился помогать ему завязывать шнурки.

Хасан не снимал обувь у входа в мечеть, потому что был он бос, и сразу направился через дорогу к дому. Остановившись у двери, он оглянулся. Вокруг шейха и эфенди толпи-

Действие рассказа происходит во время второй мировой войны.

лись правоверные. Кто-то подхватил под уздцы осла эфенди. Хасан грустно разглядывал серебряные пластинки на уздечке ослика и седло под белоснежным покрывалом. Наверное, самая маленькая пластинка стоит десять пиастров. Десять полновесных пиастров!

Пожав руки стоявшим возле него, эфенди сказал, чтобы слышали и выходившие из мечети: у него, мол, все еще сохранились удобрения, он их не продал, самому пригодятся. Кто-то тут же начал просить за любую цену продать мешков десять. Уже поставив ногу в стремя, эфенди благосклонно обернулся:

— Хорошо, шейх Юнус, я помогу вашему хлопку, можете приходить и забирать семь мешков, но возьму столько же, сколько с шейха Абдель эль Азима. Мой товар высшего качества. Можете не брать, дня через два уйдет последний пароход, и вам придется ждать конца войны, чтобы достать удобрений.

— Значит, на полтора фунта дороже установленной цены,— покорно сказал шейх Юнус.— Я принесу деньги после вечернего намаза.

Эфенди пустил осла мелкой рысью, за ним устремился слуга-горбун. Юнус покачал головой:

— Сдирают кожу с живого человека, и это называется торговлей! А ведь он немало зарабатывает и на собственной земле!

Осел уже был далеко, и собравшиеся заговорили громче о связях эфенди со старостой и его помощниками. Хасан же следил за удаляющимся ослом, хотя и не пропускал мимо ушей разговоры о непомерной жадности эфенди, о поднявшихся ценах.

— Жадности эфенди хватит, чтобы разорить любого,— вступил он в разговор.— Смешно, а я собирался просить у него помощи. Обойдемся. Езжай, езжай, чтоб ты не доехал!

Раздался хохот.

— Ты глупец, Хасан,— услышал он сквозь смех.— Кто ты такой, чтобы эфенди тебе помогал?

Хасан молчал. Проводил взглядом осла, почти скрывшегося за тучами пыли, и только тогда заговорил:

— Что ты, великий эфенди, по сравнению с людьми из Каира? Они-то зарабатывают бешеные деньги на войне. А ты? Сколько ты стоишь? Ты бы подавился от зависти, если бы увидел и услышал, что видел и слышал я, когда был в Каире. Ты знаешь, сколько зарабатывает за вечер танцовщица? Сто фунтов! Сто! За четыре вечера она может купить целый феддан плодородной земли, а за два месяца и все твои тридцать федданов, эфенди!

Толпа, посмеиваясь, начала расходиться.

А Хасан вновь вернулся к своим горестным мыслям. С тех пор, как шейх не захотел увеличить ему зарплату с пяти до десяти пиастров, все пошло наперекосяк. Работу его стал

делать другой парень. На ферму Хасан не устроился, там и без него крутилось много безработных. За одну еду стал гнуть спину на старосту, но вскоре жена старосты выгнала его да еще кричала вслед, что за один день он, Хасан, столько сожрал, что хватило бы на двух взрослых батраков. Его забрал в Каир родной дядя. Дядя был извозчиком и жил в районе Булака. У него он научился мыть экипаж и стал мечтать о том дне, когда взберется на козлы и покатит по ярко освещенным улицам Каира. Он был счастлив в Каире. Ел настоящий пшеничный хлеб с джемом, иногда перепадал бобовый кекс и много других вкусных вещей, которых раньше никогда не пробовал.

Наконец дядя однажды взял его с собой... Хасан взобрался на козлы и стал гордо посматривать кругом. Чудо! Красота! Вечером экипаж остановился у входа в дансинг. Эта ночь навек сохранится у него в памяти. Город вопреки ожиданиям был освещен плохо. Фонари горели бледным, голубоватым светом, улицы казались холодными и грустными. Из дансинга вышли трое мужчин и дама. Молча они уселись в экипаж.

— Вези нас на час или на два в Гезиру,— не без труда пробормотала женщина, покачиваясь на своем сиденье.

Извозчик был счастлив. Нагибаясь за кнутом, он зашептал Хасану:

— Нас ждет волшебная ночь! Это янки, деньги у них текут рекой. Дама из очень почтенной семьи. Отец ее — известный в городе человек, да и муж тоже, а она знать ничего не хочет, кроме Америки. Она меня всегда нанимает в таких случаях. Обожает экипажи. Она из тех людей, которые считают позором, если их увидят в такси.

Взрыв хохота в экипаже оборвал его шепот. Хасан услышал более чем странные звуки. Он обернулся, сунул свой нос под тент, дабы удовлетворить жгучее любопытство, но незамедлительно получил от дамы по физиономии. Удары обрушились на него, как град. Он отпрянул. Извозчик заорал на него. В коляске поднялся невообразимый шум. То ли от пинка, то ли от удара кулаком Хасан полетел на землю. Дядя с криком набросился на него, Хасан еле успевал увертываться от ударов.

Наконец дама пожелала ехать дальше. Извозчик полез на козлы, проклиная тот день, когда пригрел этого деревенского болвана, который пустит его по миру. Хасан же, ощупывая руки и ноги, бормотал насчет того, что, мол, стыдно заниматься в экипаже такими делами... Не успел он вскочить на козлы, как взревели сирены. Раздался грохот, и тучи озарились яркими бликами. Вновь сердце ушло у него в пятки. Казалось, небеса вот-вот обрушатся на него... Наутро он уже был снова в деревне. В поле работу он не нашел, а шейх в мечеть не взял...

Хасан испытывал страстное желание поделиться с кем-нибудь горем, но, кроме его собственной тени, вокруг никого не было. В отчаянии он пошел домой, так и не решив, что же делать. Дом его встретил тишиной и полумраком. Он вошел в комнату, сквозь щели в стене пробивались лучи солнца. Полез в сумку, вытащил лепешку и начал медленно жевать, потом улегся возле двери.

Он проснулся, когда косые лучи заходящего солнца легли вдоль улицы. Час скорпионов! Взяв банку и тонкую палку, он стал вспоминать, как его учили охотиться на скорпионов. Его била дрожь, омерзение наполняло душу. Он быстро вышел из дому. По правде говоря, он боялся скорпионов, хотя идти было надо, скупщик скорпионов приедет рано утром, а ведь он дает по пиастру за штуку.

Хасан встретился у ночлежного дома еще с тремя безработными. У каждого было по пустой консервной банке и по палке. Хасан начал высматривать скорпионов.

Был поздний вечер, тени домов стали гуще и длиннее. Хасан заметил, что его друзья уже поймали по три скорпиона на пустыре. Они радостно говорили, что в ночлежке наверняка еще больше скорпионов.

Хасан был расстроен. Он понимал, что ему тоже нужен успех. Войдя в ночлежный дом, парни увидели скорпиона, потом другого...

— Оставим Хасану,— великодушно сказал один из них,— не будем жадничать. Это его доля. Ну, Хасан, давай, да поможет тебе аллах!

Хасан загорелся, дрожь пробежала по всему телу, сердце бешено колотилось. С ужасом и надеждой уставился он на скорпиона, крепче сжал палку, закрыл глаза, потом снова открыл их. Ненавистный скорпион медленно приближался.

Хасан отпрянул с тайным облегчением, но чья-то рука и дрожащий от возбуждения голос подтолкнули его вперед.

— Ничего, ничего! Не робей, Хасан! Их здесь два! Да нет, три! Бог ты мой, четыре! Вперед, ребята, на полу валяются четыре пиастра, каждому по штуке, разделим по-братски!

Кричавший бросился вперед, воткнул палку в скорпиона, потом осторожно опустил в банку и завопил от восторга. Он хотел кинуться за другим, но товарищ удержал его:

— Не жадничай, ты же хотел все разделить по-братски! Твоя очередь, Хасан!

Хасан шагнул к скорпиону. Со всей силой — даже лицо исказилось — он вонзил палку, не глядя, опустил скорпиона в банку и только потом с удовлетворением вздохнул.

— Первый пиастр! Дай бог, чтобы пошли и другие!

В поисках новых скорпионов они начали внимательно осматривать пол ночлежки, не замечая, что на деревню уже опустились темно-фиолетовые сумерки.

Час за часом они обходили ночлежный дом, залезая палками в каждую щель, в каждую трещину. Наконец один из них заметил со вздохом:

— Ничего нет. Скупщик совсем спятил, если думает, что нам везет так же, как там, в Верхнем Египте. Пусть платит нам по два пиастра за скорпиона.

Другой нерешительно добавил, что тварь чуть не укусила его.

В тишине раздался звучный голос шейха, призывавший верующих к вечерней молитве. Парни стояли молча, пока не кончилась молитва.

— Давайте попробуем в мечети!

— Да, да!..— загорелся Хасан.— Мечеть просто кишит скорпионами. Однажды скорпиона нашли прямо там, где совершал перед молитвой омовение его преподобие.

Хасан повел компанию за собой. Как всегда, мечеть открыта. Хасан взял фонарь и поставил посреди внутреннего дворика, возле бассейна. С палкой в одной руке и банкой в другой он начал внимательно осматривать стены. Остальные последовали его примеру. Вдруг Хасан завопил и задрал босую ногу. Все бросились к нему. Один из них нагнулся, посмотрел, а потом буркнул:

— Сосунок, это же кусок засохшей глины!

Они возобновили поиски.

— За мной, ребята,— вдруг крикнул один,— здесь скорпионов на двадцать пиастров, даже больше! В атаку!

Они бросились на скорпионов, насаживая их на палки. Они толкались, карабкались, мешая друг другу. Хасан умолял, чтобы ему разрешили поймать на три больше, ведь ему ничего не досталось на пустыре, но все молчали. Спины сгорблены, глаза лихорадочно шарят по полу. Подпрыгнув, Хасан захохотал.

— Уже есть на целый бушель кукурузы! Наконец-то будет чем прикрыть голую спину, а может, купить мяса, нежного жирного мяса! Хотел бы я знать, сколько придется заплатить за приличное платье! Во-первых, мне нужна хорошая рубашка, нет, черт возьми, мне нужен костюм!

Кто-то довольно рассмеялся:

— Уж лучше купить ярда два кашмирской или дамасской ткани!

И они снова пустили палки в ход.

— Мы напали на клад, ребята! Боже, какая ночь! Какая удачная ночь...— Говоривший это вдруг замер и с ужасом зашептал: — Хасан, остановись! Посмотри, что у тебя там под ногой.

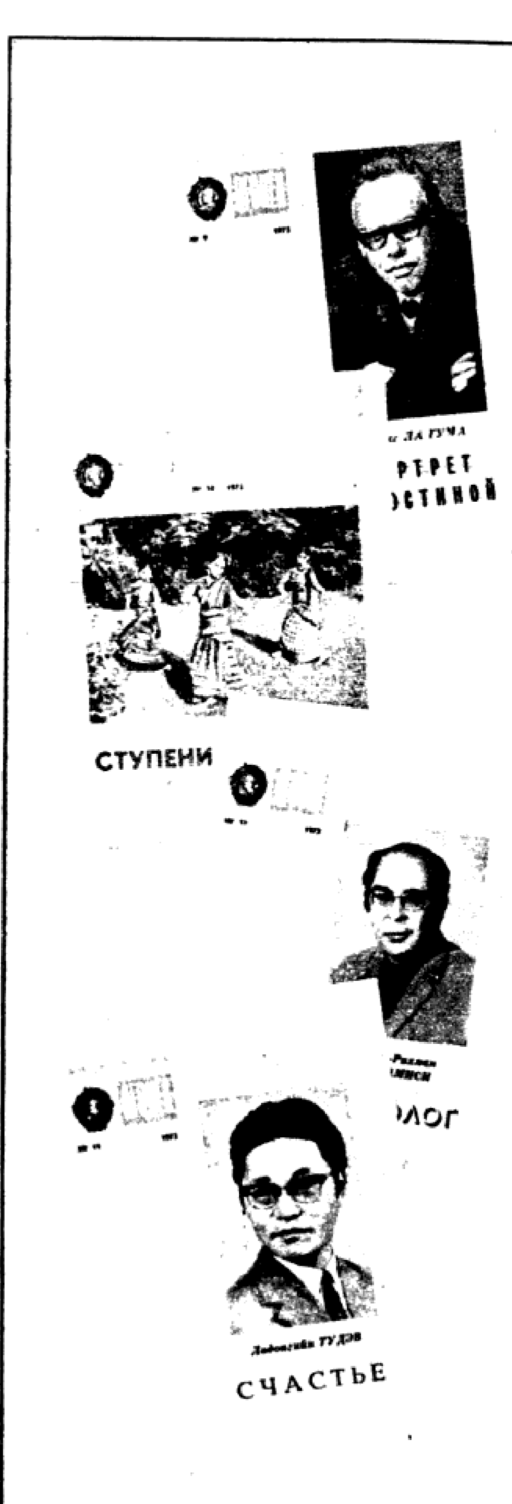
Но Хасан уже застонал и повалился на землю.

— Боже, какое несчастье!

— Не повезло!

Хасан молчал. Скрюченное тело его так и не распрямилось. Парни сжали палки. Крепко сжали, но слезы, горючие слезы отчаяния, побежали из глаз, смешиваясь с пылью, в которой лежал их товарищ.

Перевел **Ю. РУМЯНЦЕВ.**

На страницах «Огонька» и в «Библиотеке «Огонек» уже увидели свет многие выдающиеся произведения азиатских и африканских писателей.

Ныне, ко дню открытия Алма-атинской конференции, в «Библиотеке «Огонек» выходят четыре новые книги. Первая из них — известного южноафриканского прозаика, лауреата премии «Лотос» Алекса Ла Гумы — «Портрет в гостиной». Писатель повествует в ней о жизни своего народа, подвергающегося гонениям апартеида. Его маленькие лирические новеллы — страстный протест и призыв к борьбе.

Другая книга, «Ступени к солнцу»,— сборник стихов двух известных бенгальских поэтов Джошимуддина и Шамсура Рахмана, представителей молодой Республики Бангладеш, народа, обретшего независимость в борьбе.

Египетский поэт аль-Хамиси, много сделавший для сближения народов Арабской Республики Египет и Советского Союза, неоднократно публиковался в нашей стране. Но книга «Монолог» — первый сборник его стихов на русском языке.

Монгольского писателя Лодонгийна Тудэва, автора талантливых романов, повестей и литературоведческих книг, общественность афро-азиатских стран знает и как крупного общественного деятеля, председателя Монгольского комитета Организации солидарности народов Азии и Африки. Сборник рассказов «Счастье», выходящий в «Библиотеке «Огонек», представит читателям его новые рассказы.

Жан БРИЕР

Я НЕ ЗАБЫЛ

Я не просил, чтоб рождали меня на свет.
Непредвиденность встречи,
желание, связавшее молнией взоры двоих,
руки, которые ищут друг друга и друг друга находят,
шаги, что сливаются воедино на узкой тропе,
и, может быть, лунный свет,
пролитый, как масло, на пальмы,
и сообщница-тишина,
и весна,
до краев переполненная
буйством красок и трелей,—
и я был рожден.
Я ничего не забыл.

Так же, как все вы, я оставался
девять месяцев,
девять лун,
девять лет,
девять столетий —
ибо время еще не успело начаться —
оставался в большом сокровенном яйце,
устланном теплотою,
и слышал, как прорастают мои инстинкты,
ощущения зреют,
глазные орбиты наливаются влажной росистой зарей,
а на кончиках рук
раскрываются бутоны пальцев,
и слышал, как проступают первые контуры чувств,
как неведомо где,
за стеною сомкнутых глаз,
прорезаются смутные искорки мысли.
Я ничего не забыл.

Я подрастал, окруженный забором запретов,
тотемов, табу.
Мои сверстники смеялись над моим именем,
в котором неясно просвечивали
отголоски прежних времен.

Не я выбирал себе имя.
Я писал его буквами на черной доске,
чтобы прочесть его вслух и понять,
а после стереть, как следы на песке.
Я ничего не забыл.

Мои первые книги меня обманули,
первый учебник грамматики
научил меня языку других,
и с этой поры всю жизнь
мне приходится переводить свой язык
на их языки.
Арифметика научила меня считать,
а мое одинокое сердце отбивало тем временем
минорные ритмы —
пульсацию крови моей.
Я ничего не забыл.

Ни на географической карте,
ни в книгах
не нашел я истоков своего мятежа
против джунглей огромного мира.
Я прошел сто дорог, я молился
Иисусу и Магомету,
но ведь те, кто отцов моих загонял
в невольничьи трюмы,
а потом продавал у входов в мечети и церкви,—
они это делали
с именами пророка или Христа на устах.
Я ничего не забыл.

Но пришел лучезарный ЛЕНИН.
Я могу все на свете забыть.
Но то, что мне Ленин открыл,
я никогда не забуду.
Покуда я жив.

Перевел с французского Морис Ваксмахер.

Жараскан АБДРАШЕВ

СВЕТЛЫЕ РОДНИКИ

Светлые родники...
Спешите, светлые родники.
Сейчас весна... Бегите вовремя...
Вас ждет пересохший сад у реки,
Вас ждет
сухой земли
пóлымя.
По вас давно
скучают поэты,
Ваш смех серебристый,
вплетая в стихи.
По вас скучают
озера в рассветах,
По вас соскучилось
буйство стихий.
Ждет дерево вас,
тонкий подснежник,
И русло реки, что исчезла в веках.
И русла, как старцы древние с жезлом.
Весна... Скоро лето... Бегите пока...
Хотите увидеть
широкие степи
И стать сынами
родимой земли,
По тропам пройти,
Где птицы — в рассветах,
Почувствовать счастье
родимой весны?..
Светлые родники! Воды несите!
Весна... Будет лето... Бегите, бегите...
...Закатное солнце
придет к вам проститься,
И время к осени станет идти.
Время не даст вам
вечно резвиться,
Оно караулит
и ждет вас в пути.
По капле исчезнете — осень придет.
Потом будет след ваш
у зимней реки.
Я слышу веселый
степной хоровод.
Весна...
Спешите, мои родники...

О КОНЕ

«Залюбуешься шеей тонкой,
Гривой падающей, как водопад.
А глаза — две смородины
черные,
Словно дождик омыл их и град.
А четыре копыта — как чаши,
Перевернуты. В землю бьют.
Пронесется по степи — нет краше,
Как пожар,
Как летящий бунт.
Что ему овраги да рытвины —
Может он взлететь до небес.
А врагу — лишь пыль от копыта,
Пыль густая, как темный лес...»
От певцов я слова эти слышал,
Я боялся коня, как огня.
А еще познал я мальчишкой:
«Не мужчина, коль нету коня!»
В честь мою впивалась кинжалом
Эта мысль с мечтой о коне.
Где ты, мой аргамак из пожара,
Как меня ты промчишь по земле?..
Мой скакун!
Породистой крови,
Ты смешаешь
веселые краски.
Надо мной будут мчаться кроны
В этой быстро летящей
Пляске...

Перевела с казахского Майя РУМЯНЦЕВА.

Комбинат

А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ,
Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Эта история произошла недавно в Волгограде.

На открытии нового цеха «Ширпотреб» директор производственного комбината Григорий Федорович Сибков произнес речь. Он говорил о том, как нужны стране капроновые сетки и эластичные чулки, которые будет выпускать цех. Он призывал к дисциплине и высокой производительности труда. Сибков возлагал большие надежды на дружный коллектив предприятия.

И работа закипела. Правда, сначала не все шло гладко. Не хватало сырья — полиэтилена и капроновой крошки, мало было станков. Но постепенно дело наладилось. Старший мастер Мартин Шахбазян, прессовщик Хачик Казаров трудились в поте лица. Не считаясь со временем, они дневали и ночевали в цехе, налаживая производство. Вскоре у них появились помощники: прилетел из Тбилиси отец Хачика, Азат Казаров, которого все ласково звали по отчеству — Карапетович.

— Станков маловато,— сокрушался Карапетович,— как план выполнять будем?

— Да,— соглашался Хачик,— надо что-то придумать.

И работники отправились за оборудованием в Тбилиси, Кисловодск и другие города. Привезли три станка «Шнек» для выпрессовки лески, восемь ручных и гидравлических прессов, дробилку, пресс-форму, каландр и многое другое. Хачик вплотную занялся заготовкой сырья. И через месяц прежде полупустой цех стал неузнаваемым. Работали в две смены. Неумолчно гудели моторы, на складе росли кипы эластичных чулок и капроновых сумок.

Сибков не нарадовался на своих помощников:

— Молодцы! Так держать!

— Стараемся! — скромно ответил Хачик.

Цех «Ширпотреб» процветал. Продукция шла нарасхват. Каждое утро до начала смены приезжали на машинах продавцы из ларьков и палаток.

Шахбазян, Хачик, Карапетович и другие, как трудолюбивые муравьи, грузили в машины тюки с чулками и сетками. Не успеют погрузить, а Хачик уже командует:

— Вы, живо за сырьем! Видите, крошка кончается, как бы простоя не было! А вы дуйте вот по этому адресу. Там у них станок списанный есть. Посмотрите...

А папашу и подгонять не надо. Он уже успел весь цех обежать, тому замечание сделал, что медленно работает, другому показал, как лучше ручки прессовать. И вот уж сам — никто не заставлял! — красит сетки так, что и молодому за ним не угнаться.

И ночью светились окна цеха. Неутомимый папаша помогал сгружать мешки с сырьем. Когда однажды цеху грозил простой из-за нехватки полиэтилена, он привез откуда-то целую машину бракованных полиэтиленовых тазов и кувшинов и сам на дробилке их перемолол.

Ларьки города были буквально завалены сетками и чулками местного производства. И тут родилась «смелая» идея «завоевания» рынков в других городах. Неизвестно, чем закончилась бы эта «битва за рынки», если бы дальнейшему процветанию цеха «Ширпотреб» не помешали непредвиденные обстоятельства.

Однажды ночью у проходной шинного завода была задержана машина, груженная мешками с капроновой крошкой. Никаких документов на груз не было. Гражданин Шахбазян, сидевший рядом с шофером, пытался скрыться, но был задержан и в милиции признался, что крошка краденая. Через два дня были арестованы Хачик, Гарибов и А. Казаров, потом группа продавцов, торговавших сумками и чулками, а следом мастер Евтушенко и Сибков.

Отчет о «деятельности» цеха за последний год составил 30 томов. Следствие установило, что в цехе «Ширпотреб» под покровительством Сибкова свила гнездо банда воров и расхитителей, каждый из которых имел богатое уголовное прошлое. Например, старший мастер Мартин Шахбазян судился трижды. Но эти три урока не пошли ему впрок. Однако заправилой тут был Хачик Казаров. Он доставал сырье, отправлял «своих» людей в командировки за оборудованием, наладил связи с продавцами ларьков и палаток, принимал у них деньги и расплачивался с продавцами. Хачик Казаров отсидел 10 лет за умышленное убийство, а потом, выйдя на свободу, получил два года за новое преступление. Скромный прессовщик, ежемесячно получавший в кассе всего 100 рублей, имел собственную «Волгу» и двухэтажный особняк в Тбилиси. На крыше был устроен бассейн, дом окружали террасы, во дворе бил фонтан. Внутреннее убранство поражало роскошью: лепные потолки, хрустальные люстры, на стенах орнаменты...

Его отец, окончив один класс, имел три судимости и двухэтажный дом площадью 224 квадратных метра, стоимостью в 30 тысяч рублей. Как видно, отсутствие образования не помешало ему делать деньги и научить этому сына.

«Комбинаторы» во время следствия всячески изворачивались и лгали, но все же каждый из них был вынужден хотя бы частично признать свою вину.

И только Сибков все отрицал. Он, директор, оказывается, ничего не знал. Сумки продавались по 1 рублю 90 копеек (вместо государственной цены 1 рубль 65 копеек). Почему назначили эту цену? Он не знает. Где достают капроновую крошку? Не в курсе... Да, конечно, он выписал тонну крошки (от своей подписи на накладной отказаться было невозможно). Разве она им не была нужна? Как? Пошла на изготовление «левого» товара в его цехе? Не может быть! Неучтенная продукция? Понятия не имеет. Когда он приходил в цех, ему никто не докладывал, что здесь вырабатывается неучтенная продукция. Мертвые души? Шутите, никаких посторонних людей он в цехе не видел. Его не смущают показания свидетелей: каждый раз перед приходом какой-либо проверки кто-то звонил в цех, предупреждал Хачика, и все «мертвые души» мгновенно исчезали, а часть станков маскировали под неработающие.

— Что вы скажете по этому поводу?

— Это делали без моего ведома.

Он не был изобретателен в своих ответах. На все вопросы следователя Сибков однотипно отвечал: «Не знаю, не помню», «Меня ввели в заблуждение», «Был в отпуске» и т. д. и т. п.

Сибков сверлит следователя маленькими заплывшими глазками, спрятанными за толстыми стеклами очков. Люди, проработавшие с ним несколько лет, называют его опытным и очень хитрым комбинатором. Нет, виновным он себя ни в чем не признает. Все делалось без его ведома. Он всегда старался перевыполнить план. Он

ДВА ПИСЬМА МИХАИЛА БРАНЗБУРГА

Уютная комната в московском доме по улице Мишина. Здесь живет Галина Бранзбург с дочерью Ириной. Глава же семейства Михаил Григорьевич Бранзбург, музыкант по профессии, попав под влияние сионистской пропаганды, бросил семью, покинул родной дом и направился в Израиль...

И вот что из этого получилось. Ниже мы публикуем с согласия родных письма Михаила Бранзбурга, которые он прислал из Вены:

«Здравствуйте, мои родные Гаечка и Ириска! (Так ласково называет Бранзбург свою жену Галю и дочь Ирину.) Теперь, когда самое страшное время позади, я могу написать второе письмо. Я его разделяю на две части. Первую пусть прочитают все, кто меня знает, кто доверяет мне, кто верит, что врать я не буду даже под расстрелом. Мне просто фантастически повезло, что я задержался в Вене, что мне встретились люди, которые были в Израиле и Италии. Если бы вы видели их, если бы читали письма из Америки, Канады и Австралии. Я долгое время находился в полуобморочном состоянии от этой информации...

Если приехавших в Израиль принять за 100 процентов, то 99,9 процента желают оттуда бежать, причем одни хотят в СССР, а другие еще думают устроиться в других странах. Но выехать из Израиля практически невозможно теперь, а в будущем будет невозможно совсем. Людей, которые туда приезжают, заставляют, именно заставляют делать то, что им нужно. А именно: служить в армии, причем если молодой, то 5 лет, а если старше 27, то каждый год этот человек призывается на три месяца. Призывной возраст до 50 лет. Эти люди идут и убивают других людей, и естественно, что их убивают тоже. Короче, это война, и нет смысла описывать все ее «прелести». Вновь прибывшим говорят: нам нужны солдаты и разнорабочие. Других не надо!

Встречающие вновь прибывших не разговаривают на русском языке, причем сознательно. Мило улыбаясь, они дают одной рукой подписать бумаги, а в другой держат деньги якобы на первое время (50 фунтов). О содержании бумаг никто не интересуется, потому что одни испытывают блаженство, попав на «родину», другие считают некрасивым интересоваться, третьи просто не понимают языка и т. д. А в этих бумагах подписка о невыезде, обязательство служить в армии, расписка в получении денег и пр. Но есть и такие, которые сразу понимают, в чем дело и куда они попали. С ними разговаривают иначе. Их отводят в другую комнату, избивают и вплоть до угрозы расстрела заставляют подписать эти бумаги.

Был здесь в Вене случай, когда некий Газнелишвили уже в аэропорту попросился обратно, так его избили, сделали укол, от которого он уснул, и отправили в Израиль. Там ему назначили штраф в 1 000 фунтов и посадили в тюрьму. Он теперь опять в Вене. Ему удалось что-то из своих вещей продать, внести штраф и сбежать оттуда в Вену.

Люди, которые приехали в Израиль позже, грызутся с теми, кто приехал раньше, дескать, почему вы обо всем молчали, почему не писали. Мне трудно кого-либо винить или оправдывать. Но нужно быть величайшим подонком, чтобы знать все это и молчать, чтобы говорить так: «Почему им должно быть лучше, чем нам? Мы мучаемся, так пусть они тоже!»

Государство находится в состоянии войны, а что это значит — все должны понимать, тем более никому не удастся остаться посторонним наблюдателем этой войны.

Вот далеко не полная картина — картина без подробностей, но из нее можно представить себе, как государство относится к олим (вновь прибывшим в страну евреям) и какие отношения там между людьми. Другими словами, это ад. И недаром организации, которые содействуют отправке выезжающих из СССР, держат людей в замке Шенау, куда не поступает никакая информация об Израиле.

Замок охраняют свыше трехсот человек, и людям говорят так: «В Вене беспорядки, и выходить на улицу опасно».

очень доверял людям, вот его и подвели. Был груб с подчиненными, натравливал людей друг на друга? А это, между прочим, к делу не относится. Ах, относится? Тогда все это клевета.

Конечно, такие, как Сибков, добровольно не сознаются и не раскаиваются. А уличающих документов не было. Ни один из преступников не назвал его сообщником. Им это было невыгодно. Они пытались доказать, что каждый действовал сам по себе. А назови хоть один Сибкова — получится сговор, организованная шайка во главе с директором.

Совсем по-другому вел себя Хачик. Исподлобья поглядывая на следователя, он быстро говорил: «Да, приобретал оборудование и сырье. Но это не для себя, для государства. Никаким хищением не занимался. Все делал, чтобы поднять производительность труда, увеличить выпуск продукции. Я человек маленький, прессовщик, Шахбазян — старший мастер, Евтушенко — мастер, с них и спрашивайте... Да, платил деньги рабочим, не состоявшим в штате. Чтобы больше выпускалось продукции. Для государства. Да, приглашал наладчиков и доставал сырье, тоже в интересах производства и государства...»

Удалось перехватить записку, которую Хачик пытался переправить из тюрьмы своему брату, срочно прилетевшему из Тбилиси.

«Меня и отца привлекают... Плохо, что машину забрали. Обвиняют в покупке сырья и продаже товаров. Если можете, дайте понять, что я ни разу не возил. У меня наведи порядок. Возьми 1 т. рублей у Маруси. Я 1200 отдал Жоре. Не знаю, дошел он до места или погорел... Не знаю, взять на себя или как. Посмотрю, как дело пойдет. Боюсь, что все потеряю... Сережа, будь осторожным, интересуются тобой. Миша меня обманул, бросил, убежал... Освободите дом, не жалейте ничего. 2 т. есть в гараже. Подробнее не могу, спешу. В моем деле не все забрали. Понятно?»

Брат Сергей не получил записку. Но он и без нее развил бурную деятельность: угрожал рабочим, уговаривал их не давать показаний против Хачика, уговаривал спрятать неучтенное сырье, портить оборудование, чтобы эксперты не смогли установить точную выработку на станках...

Словом, это были достойные дети своего папы. А Казаров-папа отрицал все. Больше того, он был оскорблен! За что его арестовали? За то, что он бескорыстно помогал сыну лучше наладить производство? Ведь он и в штате не состоял и денег не получал. Приходил в цех раньше всех, уходил за полночь, а иногда даже и ночевал здесь. Да, ключи от склада готовой продукции хранились у него, он упаковывал товар, вел учет. И все это он делал исключительно в интересах производства, так Казаров утверждал.

Да, папа Казаров не занимал никакой должности. Но именно он был тут хозяином, это было его производство — фирма «Казаров и сын».

...Почти две сотни показаний свидетелей, заключения экспертов, документы и справки. И все это для того, чтобы доказать вину преступников, чтобы припереть их к стенке неопровержимой логикой фактов.

Преступная группа, занимавшаяся частнопредпринимательской деятельностью, предстала перед судом, и каждый получил по заслугам.

Здесь они врут по-наглому, но узнаешь это только много времени спустя. Причем они мило улыбаются, обещают золотые горы, «оберегают», обхаживают каждого в отдельности и всех вместе, говорят «сэр», «будьте любезны», «спасибо», «пожалуйста» и прочее. Но все это пока вы в Вене, в Австрии, на нейтральной земле. А дальше происходит вышесказанное. Недаром теперь тех, кто приезжает поездом, встречают так: поезд останавливают за 70—80 километров от вокзала у венгерской границы, едущих в Израиль снимают с поезда, сажают в автобусы (мотивируют опять же беспорядками) и везут в Шенау. Визы, выданные в СССР, отбирают. Всех, кто пытается предупредить этих приезжающих, провоцируют и сдают в полицию. Их там некоторое время держат, а потом отпускают...

Теперь мое резюме. ПОКА НЕ ПОЗДНО, ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ, ОСТАНОВИТЕСЬ!!!»

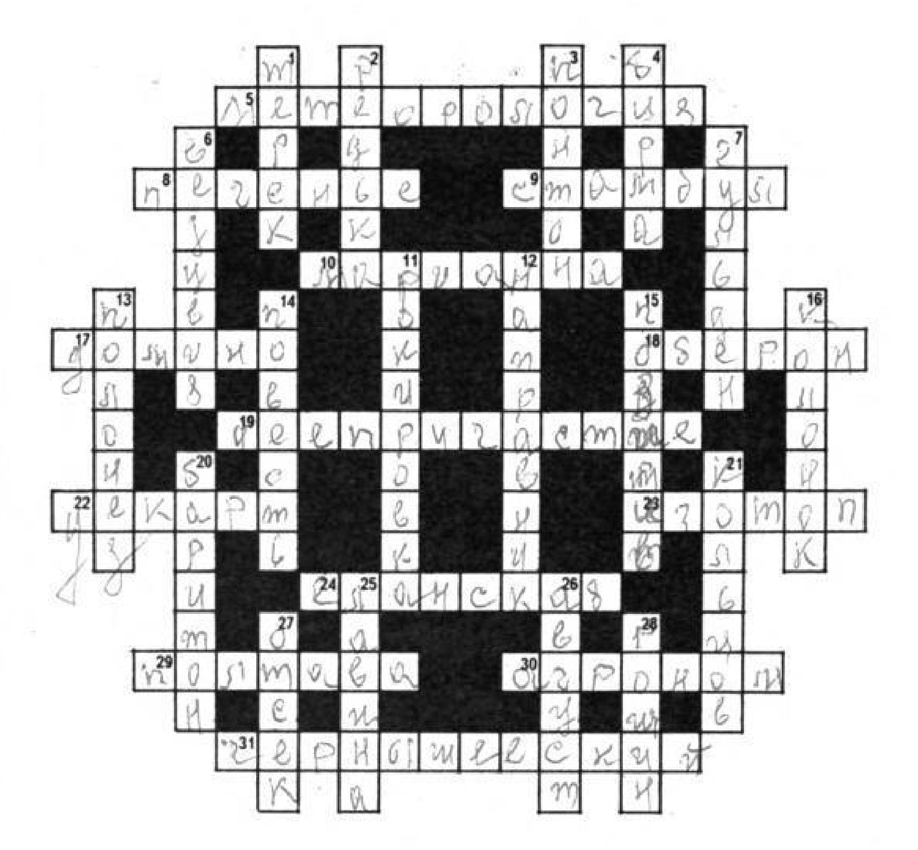
А вот следующее письмо Михаила Бранзбурга:

«Здравствуйте, мои родные!!!

Чуть ли не каждый день я сажусь писать вам письма, но у меня не хватает слов, чтобы передать на бумаге, что здесь делается. Поэтому я не могу закончить эти письма. Если бы вы знали, сколько бумаги я перевел в попытке рассказать только самую мизерную часть информации, которая на меня свалилась. Сколько фактов, сколько несчастных людей, сколько трагедий!!! Это ужас!!! И причем о каждой такой трагедии я должен рассказать. Должен, чтобы если не остановить, то хотя бы заставить людей подумать. Если бы люди знали, какими наиподлейшими методами их заманивают. Вот несколько фактов: одна часть семьи выехала, а другая еще в СССР. Те, которые в Израиле, пишут своим, что им очень плохо, что они хотят обратно. Но эти письма, естественно, не доходят. Их переписывают. Для этого создана огромная организация, которая вскрывает эти письма, читает, а дальше в зависимости от содержания или переписывает их, или не отправляет совсем. Или же посылают посылки с тряпками, а также пишут от имени этих людей.

Но теперь вернемся к началу. И вот израильская половина семьи все-таки сумела путем невероятных усилий пробраться в Вену, а из Израиля от их имени продолжают идти «хорошие» письма и посылки. Потом от их имени пришел вызов, и люди сорвались и поехали. Они не верили тем письмам, которые шли из Вены, но на всякий случай дали телеграмму. И каково же было их горе, когда эти две половины встретились в Вене. Обманутые узнали правду и, естественно, стали проситься обратно.

Я перечитываю то, что написал, и вижу, что я опять не смог передать то, что хотел. Какой же бедный у меня язык!!! Но все равно я в каждом письме, каждый раз буду орать во все горло: «ОСТАНОВИТЕСЬ!!! ПОКА НЕ ПОЗДНО... ЭТОТ ШАГ ПОДОБЕН СМЕРТИ!!!»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Наука о земной атмосфере. 8. Кондитерское изделие. 9. Город в Турции. 10. Персонаж романа И. С. Тургенева «Новь». 17. Настольная игра. 18. Спутник планеты Уран. 19. Форма глагола. 22. Французский философ XVII века. 23. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 24. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 29. Областной центр на Украине. 30. Специалист по сельскому хозяйству. 31. Русский революционный публицист, писатель.

По вертикали: 1. Река на Северном Кавказе. 2. Овощ. 3. Судно, служащее плавучей опорой мостов. 4. Государство в Азии. 6. Вулкан в Европе. 7. Денежная единица Нидерландов. 11. Шахматный ход. 12. Автор оперы «Дубровский». 13. Бальный танец. 14. Литературно-художественное произведение. 15. Фотографическое изображение. 16. Пушной зверек. 20. Мужской голос. 21. Русский поэт. 25. Масса снега, низвергающаяся с гор. 26. Месяц года. 27. Помещение на корабле между водонепроницаемыми переборками. 28. Действующее лицо трилогии А. Толстого «Хождение по мукам».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 4. Гигрограф. 7. Ясачная. 8. Кандиль. 9. Пожарский. 12. Серенада. 14. Астероид. 16. Семга. 18. Бега. 19. Моне. 20. Местоимение. 21. Риал. 23. Герб. 24. Нукус. 26. «Калевала». 28. Батискаф. 29. Санаторий. 30. Криптон. 31. Барокко. 32. Симметрия.

По вертикали: 1. Чимароза. 2. Роттердам. 3. Катарина. 5. Вагранка. 6. Линолеум. 10. Сенбернар. 11. Циферблат. 13. Донегол. 15. Сопилка. 16. Сатин. 17. Аверс. 22. Лавочкин. 23. Глиптика. 25. Кустодиев. 27. Анатомия. 28. Бригадир.

На первой странице обложки: Первоклассница Марина Кузнецова, город Вязьма.

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Цимлянский завод игристых вин. Работница завода Оля Латышева.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/VIII-73 г. А 00112. Подп. к печ. 28/VIII-73 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1901. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 992.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. МОРОЗОВА

Фото Е. УМНОВА.

Как же становятся балериной?.. Когда впервые в душе пробуждается непреодолимое желание танцевать, возникает какое-то особое, острое восприятие мира, которое нестерпимо хочется передать в стремительном полете над сценой, продлить ощущение прекрасного в плавном движении рук, в четком рисунке классических па...

Очень часто в раннем детстве. Маленькая Надя, еще никогда не видевшая живую балерину, старательно вырезала красивые картинки из журналов, развешивала их в детской, где спала со своей старшей сестрой Людой, в столовой. Там же в столовой стоял шкаф с большим зеркалом, и отец Нади, Василий Павлович, не раз заставал дочку за странным занятием: малышка старательно повторяла позы балерин.

В детском саду тоже заметили любовь Нади к танцам, ее музыкальность, особое чувство ритма, и вскоре она стала одной из ведущих «солисток» на праздниках.

— Видно, младшая наша пошла в деда,— сказала как-то Мария Ильинична мужу.— Как он играл на гуслях!.. Надо отдавать Надю в музыкальное училище.

Но дочь это предложение родителей категорически отклонила и поступила в среднюю общеобразовательную школу своего родного города Чебоксары.

Занятия начались успешно. Классная руководительница Нина Ивановна хвалила прилежную ученицу за ее скромность, старательность, постоянство.

— Три года проучилась у меня Надя Павлова, а подруг никогда не меняла. Особенно неразлучна была с Алей Ореховой,— вспоминает Нина Ивановна.

Шли дни. Василий Павлович, по специальности рентгенотехник, целые дни проводил в городской поликлинике. Мария Ильинична работала воспитательницей в детских яслях. Только вечером все семейство Павловых собиралось в своем небольшом, утопающем в зелени домике на улице Дегтярева. Родители не очень беспокоились за детей — все они были послушны и дисциплинированны, но вдруг стали замечать, что самая младшая, Наденька, уж очень вдруг похудела. На расспросы родителей дочка не отвечала, и Мария Ильинична повела ее к врачу. Только тут Надя призналась, что решила стать балериной, поступила в балетный кружок Дворца пионеров и сама установила себе голодную диету. Посоветовавшись с руководителем кружка Геннадием Владимировичем Щербининым, Мария Ильинична все же решила оставить Надю в кружке, а вот вопрос питания дочки взяла в свои руки. Хотя еще часто за обеденным столом Надя упорно повторяла:

— Мама, не заставляй меня есть!..

Впервые супруги Павловы увидели свою дочь танцующей на сцене избирательного участка. А еще через некоторое время уже собирали ее на первые «гастроли» в Казань. В столицах республик Поволжья существует традиция: ежегодные фестивали школ под номером два. В числе других учеников второй чебоксарской школы поехала на Казанский фестиваль и Надя Павлова. Под аккомпанемент школьного преподавателя музыки Галины Алексеевны Надя одна танцевала танец четырех маленьких лебедей...

Постепенно детская наивная увлеченность балетом под влиянием занятий с Щербининым стала приобретать характер все более серьезной мечты: стать профессиональной балериной. А тут еще и подружка по кружку Регина Кузьмичева стала звать Надю в Пермское хореографическое училище. Регина-то уже была зачислена туда, но вернулась по болезни в Чебоксары, взяв академический отпуск на год. А когда Надя заканчивала третий класс, в Чебоксары приехали преподаватели из Пермского училища, чтобы отобрать свои будущие кадры...

Не без трепета предстала Надя перед комиссией, а Геннадий Владимирович был спокоен за свою воспитанницу. Уже тогда проявлялись необыкновенные природные данные Нади: легкость, ритмичность, грация. Комиссия единогласно решила принять Надю. Слово оставалось за родителями.

— Ну что ж, поплакали, конечно, жалко было отправлять десятилетнюю девочку в чужой город,— вспоминает Мария Ильинична,— и стали собирать в дорогу.

Повез Надю на экзамены Василий Павлович, с ними же поехала в Пермь и подружка, Регина, со своим отцом, Иваном Николаевичем...

В училище Надю приняли с первого же тура.

— Когда директор училища Петр Борисович Коловарский вызвал меня для беседы,— вспоминает Василий Павлович,— у меня, честно говоря, от сердца отлегло: ну, думаю, можно нам обоим домой ехать... Мне, так же, как и матери, жалко было оставлять малышку. Но все случилось по-другому. Директор стал меня поздравлять, а я от растерянности не знал, что и ответить.

Так маленькая чувашская девочка, восхищенно разглядывавшая на картинках красивых балерин в чудесных пачках, стала учиться в Перми в одном из лучших училищ страны, в классе Людмилы Павловны Сахаровой.

Каждую весну Василий Павлович и Иван Николаевич приезжали в Пермь, чтобы забрать девочек на лето в Чебоксары. А осенью привозили их обратно в училище. По дороге домой много волновались, говорили о делах балета, порой не замечая, как проблемы и трудности дочерей становятся их собственными...

А девочки постепенно постигали основы классического балета и современной хореографии, осваивали мастерство актера, изучали историю театра и историю балета.

Классный руководитель Нина Владимировна Курочкина и Людмила Павловна Сахарова радовались отличным оценкам Нади. Но пятерки сами по себе никогда не означали достижения цели в классе Людмилы Павловны; тут всегда действовала формула Галины Улановой,— она когда-то здесь тоже танцевала: «Совершенство всегда впереди!» Едва казалось, что ученица приближается к желаемому исполнительскому уровню, как педагог показывает нечто новое, и девочки снова работают и работают... Уроки по специальности, репетиции, выступления в театре...

Впервые выйдя на подмостки сцены среди амуров «Дон Кихота», Надя уже через некоторое время танцевала главного Амура. Затем «Пастушки» в «Щелкунчике» Чайковского, «Пиччикато» Делиба, танцевальный номер «Девочка и эхо» на музыку И.-С. Баха, специально поставленные для Нади сочинения балетмейстера Марата Газиева «Маленькая балерина» и «Озорница»...

Но отдыхать тоже надо было. И не оказалось такого спектакля в Пермском музыкальном театре, который не был просмотрен Надей множество раз, не было актера, репертуар которого не был бы изучен наизусть.

Развлечение номер два для учениц Сахаровой — вязание, шитье. Вот и сегодня, отправляясь на отдых, Людмила Павловна везет в сумочке клубки разноцветной шерсти: для себя и для Нади.

— Наверное, если бы не воспитывала своих учениц балеринами, то уж обязательно сделала бы их рукодельницами,— шутит Людмила Павловна.

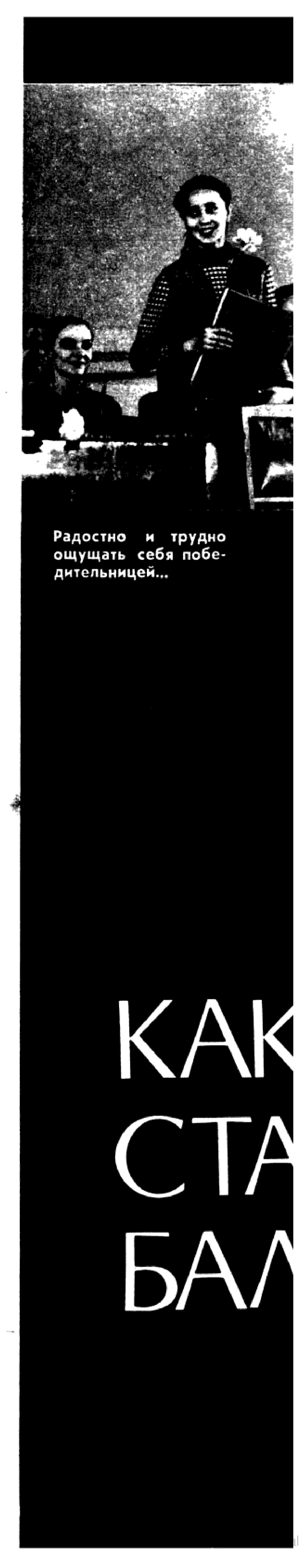
...А балерин она выпустила немало. В Киеве успешно танцует Таня Качалова, в Казани — Ирина Хакимова, Валентина Климова выступает в группе молодого балета Якобсона, а ученица Сахаровой Мила Воробьева — солистка в Свердловском театре.

А вот еще одна деталь.

Летом 1970 года группа артистов балета Пермского театра и представители хореографического училища едут на праздник музыки и танца в Польшу. В составе группы четырнадцатилетняя Надя Павлова. Возникает препятствие при переезде границы: у Нади нет паспорта. Пришлось взять девочку на руки и сфотографировать ее вместе с руководителем поездки. Эти гастроли принесли первый успех: Н. Павлова стала «сенсацией» фестиваля. А потом — успех за успехом.

Вновь и вновь взлетает маленькая Маша над сценой в высоком протяжном прыжке... Зрители Большого театра и Метрополитен-опера аплодируют, покоренные танцем Нади, очень музыкальным, благородным по манере, точным по завершенности. Москва и Нью-Йорк рукоплещут будущей балерине...

Будущей, потому что учение еще не закончено. Впереди еще год упорной работы в Пермском хореографическом училище, и только потом начнется самостоятельная жизнь, совершенствование мастерства, предела которому нет.

Радостно и трудно ощущать себя победительницей...

НОВЯТСЯ ЕРИНОЙ

Надя Павлова — Китри в балете Минкуса «Дон Кихот»

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.